

ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ

ОТРАВЛЕННАЯ СТРАСТЬ

СЕРГЕЙ БАКШЕЕВ

Опасные тайны

Сергей Бакшеев

Отравленная страсть

«Автор»

2008

Бакшеев С. П.

Отравленная страсть / С. П. Бакшеев — «Автор»,
2008 — (Опасные тайны)

Безумная любовь охватывают студента Заколова при встрече с бывшей одноклассницей Русиновой. Но она – любовница всемогущего главы города, и первое же их свидание омрачено таинственным трупом. А рядом влюбленная в Заколова Глебова и следователь прокуратуры Воронина, жаждущая секса. Всепоглощающая страсть, безудержная ревность и жажда мести овладевают героями. Каждый из них может быть причастен к новому убийству. Заколову предлагают сделку: ради свободы навсегда забыть любимую девушку. Станные подарки, преступные махинации и дерзкие покушения – какая тайна скрывается за этими событиями? Как найти истину, когда чувства затмевают разум? Это пятый роман из серии «Опасные тайны Тихона Заколова».

© Бакшеев С. П., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	40
Глава 11	45
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Бакшеев

Отравленная страсть

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Ладонь надавила на прохладную рукоять замка-защелки. Высокая дверь с облупившейся белой краской раздраженно скрипнула. Звонящее кондиционированное помещение лаборатории с электронно-вычислительной машиной осталось за спиной, я шагнул в душный университетский коридор. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь большие пыльные окна и покорно умирали на щербатом почерневшем паркете.

«Цок, цок, цок...», – изношенные паркетные дощечки приближали звонкий стук каблучков. Облачко приятного аромата защекотало нос. Я поднял глаза. Равнодушный взгляд успел скользнуть по стройной фигуре девушки.

И сразу остановилось дыхание...

Узкие ремешки босоножек на изогнутой ступне, легкие белые брюки, плотно облегающие бедра, тонкая талия, маленькая подчеркнутая грудь под трикотажной кофточкой и спиральный водопад черных волос, невпопад обтекающий овал лица. Девушка шла, неуловимо наклонившись вперед, словно грудью проталкивала дорогу сквозь вязкую жидкость.

Глаза потянулись вслед. Обворожительная светлая фигура грациозно удалялась. Вжи-кали брюки на щиколотках, взбодренное солнце радостно облизывало белоснежную ткань. На спине пружинисто подрагивали длинные густые пряди. Резкий контраст белоснежной одежды и черных глянцевых волос дарил ощущение праздника.

Проснувшееся сердце выпрыгнуло из норки и бешено заколотилось. Я вновь задышал. Оставленный девушкой запах хотелось втягивать снова и снова. Что-то неуловимо знакомое мелькнуло в ее легкой фигуре. Может это образ из сновидений? Но лица девушки я не разглядел.

– Тихон! Заколов! – требовательно окликнули меня сзади. – Ты заснул, что ли? Не забудь принести перфокарты.

Взгляд по-прежнему прикован к девушке. Она замирает на полушаге, словно уперлась в натянутую ткань. Поднятая ножка медленно опускается на пол. Девушка оборачивается. Тонкая рука задумчиво отводит россыпь кудряшек. Голова наклонена. Черные брови вразлет. Темные глаза пристально всматриваются в меня. Наши взгляды встречаются. Я чувствую, как на моем лице расплывается дурацкая глупая улыбка, но ничего поделать не могу.

Она красива. Она безумно красива!

Девушка чуть-чуть хмурится. Ее пухлые губы приоткрываются, готовясь что-то произнести. Сейчас мы познакомимся, ойкает сердце.

Но томительную тишину разрывает мужской голос:

– Женя! Я здесь. Подожди!

Хрупкий контакт разрушается. Взгляд девушки дергается вверх и уплывает за мое плечо. Я оборачиваюсь. Пожилой мужчина с барашкообразными седыми волосами в сером костюме выходит из кабинета руководителя нашей практики Ирины Глебовой. Он спешит, в руке красивый, плотно набитый пакет. Пиджак широко распахнут, расслабленный галстук ерзает на плотном теле, паркет тоскливо стонет под грузными торопливыми шагами.

– Женечка, котенок, как хорошо, что я тебя встретил. Поедем вместе, – тихо сюсюкает запыхавшийся мужчина.

Его рука ложится ей на плечо. Мои мышцы каменеют... Его ладонь заползает под чудные волосы. Мое сердце останавливается... Мужчина чмокает девушку в губы! Я сильно сжимаю веки...

Я не хочу этого видеть! Мне больно! Она не оттолкнула его! Она улыбнулась и откликнулась на поцелуй!

– Я убью его!

Неужели свои мысли я произнес вслух?

Я открываю глаза. Женя вместе с Папиком, как я мысленно назвал ненавистного мужчину, скрываются за стеклянной дверью выхода из университетского здания. К крыльцу подкатывает черная «Волга». Выскакивает услужливый молодой водитель. Папик жестом останавливает его, передает пакет и сам распаковывает заднюю дверцу. Его рука на талии девушки! Толстые пальцы алчно вминаются в мягкую ткань кофточки. Они в обнимку садятся в автомобиль. Зеркальное стекло захлопывающейся двери отбрасывает ехидный блик, «Волга» срысывается с места.

– Я убью его!

Вновь те же слова. Но это не мой голос!

Я оборачиваюсь. У дверей кабинета стоит Ирина Глебова. В ее глазах застыл арктический холод – не зрачки, а голубые круглые льдинки, вмерзшие в белые овальные айсберги.

– Я убью его! – убежденно шепчет она. Скованная фигура скрывается за дверью.

Что с ней? Она произнесла угрозу серьезно и решительно. Так говорят, когда действительно собираются выполнить задуманное. Я уже ничего не понимаю.

А что делаю в коридоре я? Я ведь куда-то шел? Волнующий образ девушки перемешал устоявшиеся мысли как волна песчинки.

Вспоминай, Заколов!

Мы с Сашкой Евтушенко отлаживали программу на ЭВМ. В нашей группе разработчиков еще Ольга Карпова. На время практики нас разбили на тройки. Поэтому и Ольга с нами. Сама напросилась. Мы отлаживали программу. А потом... Ах, да! Мы обнаружили ошибку в одной из подпрограмм. Надо было срочно ее исправить, набить новые операторы, но кончились перфокарты. И я пошел за ними. Точно! Так и было!

А потом... Потом в коридоре вдруг стало светлее, я увидел девушку... Ее зовут Женя. Ев-ге-ни-я... Да, я теперь знаю ее имя.

Евгения! Женя! Женечка!

Она проплыла мимо... И я все забыл.

Перфокарты! Я шел за ними. Перфокарты в кабинете у Глебовой, руководителя нашей практики. Она, видимо, знает Папика. Он вышел из ее кабинета. Она угрожала ему. Угрожала убийством. Если она знакома с Папиком, то, может, знает и девушку? Только бы снова увидеть женю!

Ничего более важного для меня больше не существовало.

Я приоткрыл дверь и просунулся в кабинет Ирины Глебовой. Несколько громоздких столов, заваленных папками. На полу коробки с перфокартами, стопка бобин с магнитными лентами. Кроме Ирины никого нет. Сейчас июль. Сессия закончилась, в университете пора отпусков. Ирину Глебову как молодого специалиста оставили руководителем практики нашей группы, прибывшей в Горьковский университет из Байконура.

Ей всего двадцать два, а мне двадцать лет. Я даже отчества ее не знаю. В первый день общались на «вы». Потом незаметно перешли на «ты». В сущности, она еще девчонка. Волнуется и краснеет, когда пытается нами командовать.

Ирина сидела за столом спиной к входу. Плечи вздрагивали, голова опущена. Резкие всхлипы перемежались тоненьким воем. Заунывный звук был таким, словно в комнате летал большой комар.

Может выйти, пока меня не заметила? Я помялся в нерешительности около двери. Но любопытство взяло вверх.

Несколько шагов – и я около нее. Стою за спиной. Кончики светлых волос трясутся в такт всхлипам. Пальцы нервно сжимают ключи на красивом брелке. Ирина меня даже не услышала! Мне показалось, что и в коридоре она не замечала меня. Ее жесткий взгляд упирался только в спину Папика.

Моя ладонь непроизвольно легла ей на голову.

– Не надо плакать, – произнес я, словно успокаивал младшую сестренку. Не люблю, когда женщины плачут.

Ладонь несколько раз скользнула по мягким волосам. Я пытался гладить преподавателя! Но сейчас – это расстроенная заплаканная девчонка.

– Заколов? Ты? – покрасневшие глаза Ирины удивленно выглядывали из-под скомканной челки. Кончики некоторых волос были влажными и липли к щеке.

Я кивнул и спросил:

– У тебя платок есть?

– Да.

Она шмыгнула носом. Руки метнулись к сумочке, долго ковырялись в ее недрах, пока не извлекли маленький платок.

Я отвернулся. Ирина приводила себя в порядок. Когда стихло шуршание расчески, я почувствовал ее взгляд.

– Кто это был? – спросил я, повернувшись к Ирине.

Она потупилась и ответила не сразу:

– Первый секретарь горкома. Калинин Юрий Борисович.

«Вот это да!» – удивился я. Крупнейшая городская шишка! А она сказала такое...

– А что за слова ты там говорила? Помнишь?

Ирина молчала. Ее лицо напряглось. Она, несомненно, все помнила, но в холодном взгляде я не заметил ни капли сожаления.

– За что ты хочешь... его убить?

– Он подарил мне «Волгу». – Ирина дерзко подбросила над столом связку ключей. – Вот!

– «Волгу»? Автомобиль «Волгу»? – не понял я.

– Да. Вот документы на мое имя.

– Новую «Волгу»? – я с удивлением рассматривал регистрационную карточку.

– Наверное, новую. Я в этом не разбираюсь.

– Конечно новую! – Я разглядел цифры в документах. – Дата выпуска: июль, 1980. Совсем свеженькая. Только что с конвейера. Вот это подарок!

Я во все глаза смотрел на Ирину. Ей только что подарили самый дефицитный и дорогой автомобиль. Многие всю жизнь мечтают о нем. А она горько плакала и угрожала убить дарителя. Я окончательно запутался.

– Слушай, юмор у тебя странный, – улыбнулся я. – Ты радоваться должна! И благодарить этого Калинина.

– Я его ненавижу!

– За что его ненавидеть? Он же...

– Он знает! – отрезала Ирина.

Я развел руки, не находя слов. Мне еще не встречались люди, которые могли бы запросто подарить «Волгу». Но я тут же с неприязнью вспомнил, как Папик уверенно по-хозяйски целовал юную Женю.

– По правде говоря, он мне тоже не понравился, – заявил я.

– Он сволочь! И подонок!

Я мысленно согласился. Но вдруг, он отец Жени, мелькнула спасительная мысль. Подумаешь, поцеловал дочку в губы, может, в их семье так принято.

– А кто это девушка, рядом с ним? – осторожно поинтересовался я.

– Какая?

– С черными вьющимися волосами, стройная, грациозная...

Я хотел подобрать еще достойные слова для описания поразительной девушки, но Ирина прервала резким выкриком:

– Шлюха! Кто же еще!

Глава 2

Шлюха! Ругательство прозвучало, как удар хлыста.

Такая характеристика милого образа меня покорила.

– Ее Женей зовут, – с надеждой подсказал я. – Может, она его дочь?

– Дочь?! – Ирина неожиданно взвилась и вскочила из-за стола. Стул с грохотом упал на пол. Она металась, как ошпаренная: – Нет у него больше дочерей! Кончились! Не нужна ему дочь! Ой, зараза!

Она задела валявшийся стул, злобно отпихнула его. Я поднял ни в чем не повинный предмет интерьера. Ирина остановилась около окна и бурно сопела. Раздражение исходило даже от спутанных на затылке волос.

Надо было забирать перфокарты и уходить.

– Женя, говоришь, – голос Ирины успокоился. – Это студентка из нашего университета... Его любовница.

Меня обожгло кипящим маслом. Ожог был внутри.

Любовница!

Жгло невыносимо. Ожог разрастался. Ни подуть, ни наложить компресс.

Все-таки, в глубине души я надеялся, что она его дочь. И готов был уважать его, потому что полюбил ее.

Полюбил? Я произнес слово любовь? Я влюбился?! Нет! Так не бывает! Я видел ее всего две минуты. Или одну? Я не перемолвился с ней ни единым словом! Она проплыла мимо и исчезла. Она, в конце концов, – чужая любовница!

Любовница.

Это слово не оставляло ни одного шанса на душевное выздоровление. Мерзкий Папик не только целует ее. Ему доступно всё! Она в его власти! Она – его любовница! Неужели она его любит? Он старый и толстый. Ах, да! Он – большой начальник. Может, она любит его из-за денег? Но это еще хуже!

Забыть! Забыть ее имя. Забыть ее походку. Забыть ее фигуру. Забыть волосы, глаза, губы.

Я перебирал все детали ее образа, которые требовалось срочно забыть, и не понимал, как это сделать. Девушка осязаемо, с запахами и шорохом одежды стояла передо мной...

– Заколов, ты что так долго? Перфокарты несешь? – В кабинет сунулась Оля Карпова.

Ее большой бюст интенсивно ходил под тонким платьем, словно она пробежала круг по стадиону. Начиная со встречи на вокзале перед поездкой сюда, она все время была рядом. Она всегда о чем-то спрашивала меня или рассказывала что-то, и каждый раз мои глаза опускались на ее грудь.

– Заколов, что с тобой? – растерянno спросила она.

Видимо в этот раз мой взгляд был не такой, как прежде. Я смотрел на Карпову, а видел чудесную незнакомку Женю.

– Ты перфокарты несешь? – требовательно спросила Ольга, метнув подозрительный взгляд на Глебову.

– Перфокарты? Сейчас, – пообещал я и вопросительно взглянул на Ирину.

Она стояла у окна, обхватив себя за плечи, словно озябла. В одном ряду с застежкой лифчика под платьем проступали бугорки позвонков. Спина выглядела беззащитной. Теперь мне казалось, что я не должен уходить.

– Ну, я сама! – Карпова вызывающе подняла тяжелую коробку, прижала к животу. Обе чашечки груди покорно легли на перфокарты. Каждая на свою колоду.

– Возьми чуть-чуть. Я потом принесу, – пожалел я.

В ответ из глаз сверкнула молния.

Бухнула дверь. Карпова пихнула ее ногой, когда уходила. От удара защелкнулся замок. Стало тихо. На тумбочке около чайника недовольно жужжала одинокая муха, перескакивая с крошки на крошку.

– Калинина убивать передумала? – попытался пошутить я.

– Сегодня не получится. Он в Москву полетел, на открытие Олимпиады, – без тени юмора ответила Ирина.

– Повезло ему...

Я имел в виду возможность посмотреть Олимпиаду, но Ирина перебила:

– Ему всегда везет. Но... недолго осталось.

Что за дикая идея! Надо отвлечь ее от Калинина, решил я:

– Говорят, наши на открытие Олимпиады приготовили что-то грандиозное. Мир хотят удивить.

– Говорят, – согласилась Ирина и импульсивно повернулась. – У вас в общежитии телевизор есть?

– Нет?

– Хочешь посмотреть?

– А где?

– У меня дома.

Когда несколько лет назад я узнал, что очередные Олимпийские игры будут проходить в Москве, я был уверен, что обязательно на них побываю. Но въезд в Москву закрыли для всех иногородних. Да и практику нельзя пропускать. Оставалось утешаться мыслью, что по телевизору увидишь больше, чем с трибун. Но единственный телевизор в общежитии, куда нас поселили, был сломан.

– Хорошо бы, – согласился я.

– Я с мамой живу, – зачем-то сообщила Ирина. В ее движениях появилась суетливость. – Куда бы машину деть?

– А где она?

– Калинин сказал, что здесь, около входа стоит.

– Так ты ее еще не видела?

– Нет. Я и водить не умею.

– А хочешь, я тебя на ней домой отвезу? – предложил я.

– А ты умеешь?

– Да. И права есть.

– Права мне тоже сегодня принесли.

– Ну и сервис. Ну и Калинин. Он что, все может?

– В этом городе, да.

Белая «Волга» была абсолютно новой, пахла дерматином и еще чем-то вызывающим, чем пахнут все новые машины. Ирина неуверенно показывала дорогу, я осторожно вел, по-новому изучая улицы незнакомого города. Наша обоюдная скованность постепенно исчезла. Я приспособился к управлению и лихо перестраивался из ряда в ряд. Мощный автомобиль слушался отлично. Ирина с любопытством ребенка изучала салон и несколько раз дергала спинку кресла.

Откинувшись в полулежачее положение, она мечтательно изрекла:

– Нет. Продавать не стану. Буду учиться водить.

– Это несложно. Хочешь, объясню?

– Давай! – оживилась она.

Остаток пути я рассказывал про управление автомобилем.

– Вот, видишь, перехожу на третью... А сейчас торможу... Наблюдай, как буду поворачивать... Ну что, понятно?

– Да, – радовалась она.

Незаметно подъехали к панельной пятиэтажке на окраине города, припарковались в тесном дворе. Около квартиры Ирина вновь напряглась.

– Мам, – крикнула она с порога. – Это я!

Из комнаты высунулась женщина в ситцевом цветастом платье с одутловатым лицом и кряжистой фигурой. Крупно завитые крашенные волосы у основания на полсантиметра были седыми.

– Как? Подарил? – сразу тревожно спросила она и лишь потом заметила меня.

– Подарил, – сухо ответила Ирина, переобуваясь. – Это студент, помог машину к дому перегнать.

– Здрасьте, – кивнул я.

– И все оформил на тебя? – не обращая более на меня внимания, возбужденно спрашивала женщина.

– Да.

– А где?

– Что?

– Машина где?

– В окно посмотри.

Женщина шустро метнулась к подоконнику. Рука отбросила штору, сдвинула цветок.

– Вон та, белая? Ух, ты! Красавица! Ну, надо же! Получилось, – причитала она, – Получилось.

– Это моя мама. Лидия Николаевна, – представила Ирина. Я еще раз кивнул широкой женской спине. Ирина безнадежно махнула рукой и показала под вешалку: – Тапки возьми.

– Ирка! Надо машину продать. Срочно. Вдруг передумает! Отберет.

– Не сможет. Документы на мое имя.

– Калинин не сможет? Ха-а! Он ведь сюда сначала заехал, – Лидия Николаевна оторвалась от окна и неожиданно улыбнулась. – Деликатесов навез, бутылочку выставил. Хотел мне все оставить. И ключи, и документы. А я наказала, чтобы к тебе ехал и сам лично передал. Так лучше, по-людски.

Женщина вновь прильнула к стеклу, вытянулась. Я заметил, что ноги у нее довольно стройные, видимо в молодости она была привлекательной, а потом, как часто бывает, распустилась и заматерела. Счастливый взгляд Лидии Николаевны вновь метнулся к дочери:

– А сколько «Волга» стоит?

– Много, мам. Много, – Ирина зашла в другую комнату.

– Надо продавать, Ирка. Быстрее продавать. Слышишь меня?

– Не буду, – донеслось из-за двери.

– Что?

– Не буду продавать! Вот что!

Лидия Николаевна быстро вернулась и сунулась в комнату дочери.

– Не дури, Ирка!

– Дай мне переодеться.

– А я тебе не мешаю.

– Ты можешь подождать за дверью?

– Я тебе что, чужая тетя?

– О, господи, мама! У нас гость!

Лидия Николаевна взглянула на меня, словно первый раз увидела.

– Тихон, – представился я.

– Ага, ага..., – женщина восторженно встрепенулась, будто что-то вспомнив, и крикнула дочери в закрытую дверь: – А он то сам, как? Юрий Борисович?

– Гад он!

– Как выглядит?

– Ты же его видела!

– Ну, да, да... Ирка, а зачем тебе машина?

– На работу ездить буду! Ясно! – Ирина вышла из комнаты. Строгое, но невыразительное платье она сменила на белую футболку и юбку до колена. – Уже и права есть. Посмотри.

– Лучше продать, – горько качала головой Лидия Николаевна, разглядывая документы. – Деньги, оно вернее.

– Жениха быстрее найду, – с вызовом произнесла Ирина. – Как думаешь, с таким приданным возьмут меня замуж?

– Ага! Возьмут. Только не за то место. Меня в свое время взяли. Опасно с машиной, Ир.

– Ну, ладно, мам, хватит. У нас гость. Давай ужин сообразим.

– Да готов твой ужин. Еще и Калинин продуктов навез. Обожраться можно.

– Мам, ты бы хоть культурнее...

– Да ну тебя! Я ей про дело, а она... Настрогай колбаски сырокопченой.

Ирина прошла на кухню. Застучали тарелки, раздался бойкий стук ножа о разделочную доску, и сразу вскрик:

– Ой! Порезалась!

– Вот неумеха! – Лидия Николаевна засеменила на кухню. – Сильно-то как! Перекись возьми. Да погоди, я сама! – Зазвенели склянки, и вновь недовольный возглас: – Куда смотришь? Халат мне изляпала!

– А что он тут делает?

– Я гладила, а он пришел. Вот, божье наказание! Застирать срочно надо, мне завтра в нем на работу. Сама тут разбирайся. – Из ванной еще долго слышалось бурчание: – Ну, весь изляпала. Кровь-то, какая алая – первая группа. Такую кровь за деньги сдавать надо, а не одежду ей мазать.

Мы ужинали в большой комнате и молча смотрели телевизор. Разговор не вязался. Я испытывал неловкость в чужой квартире. Ирина покусывала губы и, казалось, не смотрела на экран. Ее мама не могла сидеть спокойно, бродила по квартире, часто останавливаясь у окна.

Пронзительно зазвонил телефон. Обе женщины напряглись.

– Тебя, – шепнула Лидия Николаевна дочери.

– Почему? – испугалась Ирина. – Мне никто не звонит.

– Подойди!

Телефон продолжал трезвонить. Две пары женских глаз напряженно смотрели на него, но никто не шелохнулся.

– Подойди, – еще раз потребовала Лидия Николаевна, хотя находилась ближе к аппарату.

Скрипнули пружины дивана, Ирина сделала три шага, рука с перебинтованным пальцем осторожно приподняла трубку:

– Алло?

В следующие несколько секунд ее лицо окаменело и стало серым.

– Что? – не выдержав долгой паузы, дернула подбородком Лидия Николаевна. – Кто звонил?

– Опоздала, – растерянно ответила Ирина и странным взглядом посмотрела на меня.

Рука плавной дугой опустилась на телефонный аппарат. Из трубки слышались длинные гудки. Но я был уверен, что Глебова выслушала звонившего.

И то, что ей сообщили, ее сильно встревожило.

Глава 3

В общежитие я вернулся поздно. Добираться с окраины города пришлось с пересадкой. При входе меня остановил пожилой вахтер, который дежурил только по ночам:

– Я думаю, ваша фамилия Заколов?

– Да, – буркнул я и посмотрел в строгое прямоносое лицо седого человека стриженного под ежик. Светлые глаза у него были слегка на выкате, отчего лицо казалось изумленным и выглядело моложе.

– А вам звонили.

– Кто? – удивился я. В городе у меня не было знакомых, и я даже не знал местного телефона.

– Я обычно никого к телефону не зову. Пост не могу оставить. И по коридорам ходить – измучишься. Только, если особый случай! – Вахтер внимательно изучал меня.

– Что-нибудь случилось? – забеспокоился я.

– А тут, даже не знаю, как меня уговорили, – вахтер не обратил внимания на мой вопрос. – Умеет, умеет чертовка с мужиками разговаривать!

– Какая чертовка?

– Этого у нее не отнять. Да-а... Я поднялся в вашу комнату, искал, но... Но вас не оказалось. Она очень расстроилась.

– Кто? Кто мне звонил?

– Девушка. Очень огорчилась. Однако еще будет звонить.

– Ирина? – вспомнил я о Глебовой. Неужели она обо мне беспокоится?

– А вы, я смотрю, ловелас! – вахтер пожурил указательным пальцем и хитро улыбнулся, от уголков глаз разъехались симметричные веера морщинок.

– Если позвонит, передайте, пожалуйста, что со мной все в порядке, – попросил я, поднимаясь по ступенькам.

– Я думаю, что это была не Ирина.

– Почему? – я остановился.

– Потому что она назвалась Евгенией.

– Это логично, – промямлил я и замер.

Сердечко предательски напомнило о себе неясным сбоем. Я не знал в городе ни одной Евгении, кроме той, которую случайно встретил сегодня в университете.

– Постойте, Федор..., – я мучительно вспоминал имя-отчество вахтера.

– Франц Оттович, – представился старик. Плечи распрямились, седая голова подчеркнуто кивнула.

– А как же...?

– Федор Олегович – это для простоты. А по настоящему – Франц Оттович.

– Понятно... Франц Оттович, а что она сказала? – не терпелось узнать мне.

– На будущее, молодой человек, в ответ на приветствие, надо представляться. Вы же скоро станете инженером! Я, конечно, теперь знаю ваше имя. Тихон Заколов. Но, поверьте...

– Франц Оттович, извините. Это точно была Евгения? Что она сказала? – взмолился я.

– Ничего.

– Как?

– Она еще позвонит. Присаживайтесь, подождем.

– Вы уверены? – я плюхнулся на маленький диванчик с потрескавшейся дерматиновой обивкой.

– Женщины, конечно, существа эмоциональные. За это мы их и любим. Ведь так?

Я кивнул, не вдумываясь в смысл его слов.

– Их настроение переменчиво, как апрельская погода. Но она позвонит. Я думаю, она в вас очень нуждается. У Женечки интересный тембр голоса. Она так чувственно вздыхает, как будто глотает слово. И потом паузы... Она умеет держать паузу. Вы обращали внимание?

О чем это он? Если это та самая *моя* Женя, то я никогда не слышал ее голоса. А старый вахтер называет ее Женечкой. Меня укололи его слова. Это что получается? Каждый старикашка будет *мою* Женю называть Женечкой? Мне это решительно не нравится!

Мысли смешались. Я назвал ее *моей*! Но ведь она – чужая любовница! Я же хотел выкинуть ее из сердца! Не пускать туда! Я старательно пытался забыть о ней. А тут, одно упоминание имени, и я вновь вижу утонченную талию, силуэт груди, живые кудряшки волос.

Приглушенно затрещал телефон. Франц Оттович зашептал, как заговорщик:

– Я думаю, это она. – Старческий желтоватый палец покачивался над телефонным аппаратом.

Скованной рукой я поднял трубку.

– Франц Оттович? – мягко зашуршало в трубке.

– Нет. Это... Заколов, – с трудом выговорил я.

– Тиша! Ты меня помнишь?

Перехватывает дыхание, сердце скачет, как мячик по ступенькам. Голос до боли знакомый.

– Я – Женя Русинова. Я видела тебя сегодня в Университете.

– Женя... Женя... Русинова...

Я тупо дышу в трубку. Вахтер крикает в кулак и отходит. Вид у меня, наверняка, дебильный.

Русинова... Перед глазами воспоминание. Девятый класс. Сентябрь. Еще тепло. Вечер. Нам по пятнадцать. Тесный кружок одноклассников. В центре лежит бутылочка. Дурацкая игра. Но притягательная. Очередной человек крутит бутылочку. На кого указывает горлышко, с тем нужно целоваться. Нас шестеро. Трое парней, трое девушек. Сидим через одного. Женя Русинова напротив меня. Из-под вишневого берета свисает темная челка. Под ней карие глаза. Я часто ловлю на себе их блеск. Потому что совсем не смотрю на других девушек.

Моя рука крутит пустую бутылочку. Опять попадает на грудастую Ленку. Женя отворачивается, черный хвостик волос цепляется за воротник пальто. Мы с Ленкой отходим в темноту, тычемся губами друг в друга, возвращаемся в смущении. Потом Женя отходит с Витькой. Витька ржет, их долго нет. Мне хочется разбить бутылочку, и расквасить Витькин нос. Рука сгребает опавшие листья. Выбираю кленовый, самый красивый, рву зубами. На языке горечь.

В тот вечер мы с Женей так и не поцеловались. И в другой – тоже. Накануне на школьном вечере я танцевал с ней медленный танец. Я прикасался к ее телу. Я не помню более приятных мгновений за первые пятнадцать лет своей жизни.

А потом отца перевели служить из Белгорода в Приозерск, и я уехал в Казахстан. Женя Русинова была во дворе, когда я уезжал на вокзал. Я сжал в руках ее ладонь. И всё. Тонкие пальцы скребнули ноготками, когда меня позвали в машину.

Еще я обещал писать письма. И написал длиннющее письмо сразу, когда появился обратный адрес. Но ответа не получил.

– Почему ты не ответила на письмо? – спросил я в телефонную трубку.

– Я не получала, – удивилась Женя.

– А я обиделся... Подумал, что ты с Витькой... И второе не писал.

– Я тоже обиделась. Лена уверяла, что ты ей пишешь.

– Неправда!

– А я верила. Тогда мальчишки с теми заигрывали, у кого уже грудь выросла. А у меня...

– Дураки мы были...

– Да.

- А я тебя сегодня совсем не узнал. Ты такая... красивая.
- Тиша... – Повисло молчание. Я вслушивался в ее дыхание.
- Что?
- Тиша, ты можешь приехать ко мне?
- Сейчас?
- Да.

Я взглянул на часы. Полдвенадцатого ночи.

- Могу, – еле слышно выдохнул я.
- Приезжай обязательно. Только не говори никому, куда ты едешь. Не скажешь?
- Не скажу, – в этот момент я мог пообещать все, что угодно.
- Я живу недалеко, – она подробно объяснила, как ее найти. – Ты еще успеешь на автобус.

Мне не нужен был транспорт. Я не мог стоять неподвижно и ждать. Вахтер, наверное, успел заметить только подошву моей кроссовки в захлопывающемся дверном проеме. Я бежал вприпрыжку по ночным улицам.

- Женя. Ев-ге-ни-я. Же-неч-ка, – я как леденец пробовал на вкус ее имя и смаковал его.

Солидный кирпичный дом, нужный подъезд, четвертый этаж. Около ее двери я задержался. Странно, я впервые иду в двенадцать часов ночи на свидание к девушке. Ведь это свидание? Я даже не спросил, зачем она позвала? Я не спросил, одна она или нет? А что, если она с родителями, а я припрусь среди ночи? Как себя вести?

И тут в глазах помутнело. Как же я забыл! Она любовница, этого мерзкого Калинина, которого собиралась убить Ирина!

А что, если Глебова соврала на счет любовницы? Ну, конечно, она наверняка все придумала, потому что ненавидит Калинина. Или ошиблась. Как я раньше не догадался! Женечка Русинова чистая и светлая!

Я люблю ее! *Люблю!*

Но она целовалась с Калининым. Его рука обнимала ее плечо, а потом угнездилась на талии. Она поддавалась его рукам. Кто же ты, Женя?

Палец неуверенно коснулся черной кнопки на стене. За обитой дверью замурлыкал звонок. Я хмуро смотрел в выпуклый глазок, в душе бултыхалась неприятная муть.

Торопливо щелкнули замки. Дверь распахнулась.

Передо мной стояла Женя Русинова! Прошло пять лет. Она изменилась. Она похорошела. Она стала красавицей! Но это была прежняя Женька, которая мне нравилась еще в девятом классе. Наши глаза встретились. Они у нас одинакового цвета. Всего одна секунда, а сквозь нее – настороженность, тепло, улыбка.

Женя дернула меня за руку:

- Проходи быстрее.

Я шагнул в прихожую. Дверь в комнату была прикрыта. Не давая переобуться, она увлекла меня по коридору на кухню. Усадила за стол, села напротив, подбородок уперся в ладошку.

- Тиша! Тишка... Ну как ты?
- Учусь в институте на Байконуре. Сюда приехал на практику.
- Возмужал. Плечи то какие! Небось девчонкам нравишься.
- Какие девчонки? А ты... здорово изменилась. Днем я тебя даже не узнал.
- Да... пять лет... Я тоже учусь. Здесь, в Университете.

Ее карие глаза под взметнувшимися дугообразными черными бровями светились радостью. Зрачки бегали по мне, словно ощупывая. Голубой шелковый халат обнажал остроконечный треугольник загорелой кожи на груди. Широкие рукава спадали с тонких запястий. Мы пилились друг на друга и глупо ухмылялись.

- Ой! А что это у тебя? Шрам? – она невесомо провела пальчиком над моей губой.

– Ерунда. Старая царапина. – Я перехватил ее ладонь и не хотел отпускать. Наши лица стали медленно сближаться, пока я не брякнул: – Ты здесь одна?

Невидимая тень омрачила ее лоб. Женя отвела взгляд, выдернула руку. Тонкие пальцы с длинными ухоженными ногтями скрестились и образовали подобие крыши вигвама.

– Это квартира моя, – ответила она.

Я смотрел на девушку своей мечты и лихорадочно соображал, как должен поступить? Девушка пригласила меня ночью к себе домой. На ней лишь халат. Ее взгляд полон тепла. Как действует настоящий мужчина в таком случае? Подобного опыта у меня не было.

Женя расцепила ладони и положила на стол. Ноготки раскрытыми веерами смотрели в мою сторону. Таких изящных пальцев я никогда не видел. Они больше походили на творение великого скульптора, который решил превзойти всё, созданное природой. Во всем облике девушки проступала некая утонченность и, я бы сказал, изысканность. Может, кому-то она показалась бы худышкой, но мне... Я просто млел от ее вида. Хотелось быть рядом, прикасаться к ней, дышать одним воздухом.

Я мягко накрыл ее руки. Как тогда, при расставании. Она выдернула ладошки и соединила наши руки перед своим лицом.

– Тиша, у меня проблема, – тихо произнесла она и прикоснулась губами к моим пальцам.

Губы были теплыми и сухими. А дыхание влажным. Она сжимала ладони, и я чувствовал острые ноготки. Голова склонилась и приблизилась. Выпавший из прически локон щекотнул запястье. Волны приятного запаха обволакивали меня. Мне было хорошо, взгляд слегка туманился.

Какие могут быть проблемы у такой красавицы?

– Что-нибудь случилось? – я находился в прострации и с трудом ворочал языком.

– Да.

– Что?

– Ты мне pomoжешь?

– Конечно, Женя.

Она тряхнула головой. Длинные кудряшки перепутались и закрыли глаза.

– Тиша, ты мне точно pomoжешь?

Слова прозвучали почти шепотом. Она смотрела в стол, а может, на мои пальцы. Я напряг руки, хотелось быть сильным.

– Конечно, Женечка, – я тоже перешел на шепот и пытался выудить ее взгляд из-под сплетения спиральных локонов.

– Пойдем со мной, – она встала и потянула за собой по коридору.

Зашуршал халат. Мой локоть коснулся прохладной ткани в ложбинке талии. Захотелось положить туда руку, но я не решился.

Мы вошли в комнату. Окна плотно зашторены. Полумрак. Горел лишь маленький ночник на стене, освещавший широкую кровать. Небрежно расправленная постель приковывала взор. Сладкая волна, зародившаяся в голове, прошла вниз и заставила сжаться живот. Я почти ничего не соображал и готов был полностью довериться Жене. Губы! Где ее губы? Мы ведь не разу так и не поцеловались.

Я собрался обернуться, чтобы обнять Женю, но неожиданно острый локоть девушки ткнулся мне в бок. Ее ноготки больно впились в мои ладони.

Женя кивнула в темный угол. Я проследил за ее взглядом и вздрогнул.

Я совсем забыл, что она упомянула о какой-то проблеме. И напрасно!

Глава 4

В кресле, неестественно откинувшись, темнела фигура человека. Он не шелохнулся при нашем появлении. Мрачный неподвижный силуэт на фоне задернутой шторы.

– Кто это? – прошептал я после минутного замешательства.

Женя включила большой свет.

Я удивленно рассматривал человека в кресле. Открытый рот, безвольно обвисшие руки, пустые белки закатившихся глаз, засохшая слюна на губах.

– Что с ним? – прохрипел я, заранее догадываясь о страшном ответе.

– Он умер.

– Как? – я постепенно приходил в себя и старался понять ситуацию.

– Я не знаю! Это Андрей. Он пришел в гости, выпил коньяку, и будто захлебнулся. Я пыталась помочь, но... Что мне делать, Тиша?

– Ты пробовала вызвать «скорую»?

– Я растерялась. Его скрутило. Мне стало страшно. Я тормозила, но он не дышал.

– Кто он?

– Помощник Юрия Борисовича.

– Того самого? – я скрипнул зубами.

– Да.

– Что у тебя с ним?

– С кем?

– С Калининым! С дряхлым Папиком! – глухое раздражение охватывало меня.

– Тиша, не кричи. И не называй его так! Об этом поговорим потом.

Она не ответила. Значит, Глебова была права. Я посмотрел на молодого мужчину в кресле. Ноги в домашних тапочках, вольно распушенный галстук держится на замысловатой заколке, рукава рубашки закатаны. Пиджак небрежно брошен на спинку кровати. Рядом хозяйка в обольстительном халатике. Я непроизвольно отстранился от Жени.

– А этот... Андрей. Почему он оказался у тебя?

– Тиша! Не мучь меня вопросами. Сейчас не время. Мне надо от него избавиться. Если его здесь найдут, мне – конец.

Я задумался. Труп имел явно криминальный характер. Вряд ли молодой мужчина мгновенно умер своей смертью. Женя обхватила ладошками мою руку. Я не оборачивался, но чувствовал ее умоляющий взгляд.

– Что ты хочешь? – спросил я.

– Его надо увезти отсюда.

– Куда? Как?

– Ну, я не знаю... Ты же мужчина!

Хороший аргумент. И сказано со значением. Но я появился в ее жизни только сегодня.

– А если бы меня не было?

– Но ведь ты есть! – она мягко прильнула, дыша в самое ухо.

Гибкое ароматное тепло растопило внутренний холод. Что тут поделаешь? Придется быть мужчиной. Сильным мужчиной.

– Так... Так... Дай подумать, – я намерено хмурился, но мягкая волна, исходящая от женского тела разглаживала напряжение. Я уже знал, что сделаю все, о чем она попросит.

Ее бедро упиралось во что-то жесткое. Связка ключей в кармане! Ключи от «Волги» остались у меня.

Я подошел к креслу. Хотелось выглядеть уверенным, и я смело положил пальцы на откинутую шею Андрея. Поискал артерию. Безрезультатно. Холодная неживая кожа, биение отсутствовало. Перед нами труп. Что и требовалось доказать.

– Давно он...?

– Часа два... Сначала я не знала, что делать. Потом вспомнила про тебя...

Женя пряталась за мое плечо. Ладошка лежала на спине, под лопатку вжимался упругий шарик груди, даря возвышенное ощущение мужской значимости. Я обернулся. Ее глаза смотрели снизу вверх и светились нежностью. Будто в комнате и не было покойника.

Но он был! Самый настоящий труп находился на расстоянии вытянутой руки!

На столике стояла початая бутылка армянского коньяка. Хрустальная рюмка валялась на полу под безвольными пальцами. Судя по уровню жидкости в бутылке, Андрей успел выпить только одну рюмку.

– Откуда у тебя коньяк? – поинтересовался я.

– Андрей принес бутылку с собой, – торопливо ответила она.

– Он сам ее открыл?

– Ну, конечно.

– Кто-нибудь еще в квартире был?

– Нет. Что ты. Андрей приходит, только когда знает, что никого..., – она осеклась и плотнее прижалась к моей спине. Нижняя часть животика прильнула к ягодицам.

Я с трудом выровнял сбившееся дыхание, заставил себя сосредоточиться. Пальцы осторожно подцепили со стола пластмассовую пробку от бутылки. Сверху проглядывалась маленькая точка, похожая на прокол. Еще должен быть жестяной колпачок. Его я нашел в чистой пепельнице.

– Курить в квартире я разрешаю только Юре, – пояснила Женя.

Домашнее упоминание имени Калинина покорило. Но взволновало совсем другое. На порванной жестяной крышечке явно виднелась дырка от укола чем-то тонким и острым. Например, иглой. Я совместил пластмассовую и жестяную пробки. Проколы совпали.

Я отвел Евгению в коридор, ладони легли на худенькие плечи девушки. Легко прощупывались ключицы. Настало время, когда требовалось объясниться.

– Женя, это похоже на убийство.

Ее плечи затряслись, глаза набухли слезами.

– Он умер сам, – всхлипнула она. Щеки влажно заблестели. – Я не виновата.

– Это отравление. Ты действительно не хочешь никому сообщать?

– Нет.

Ее лицо уткнулось мне в плечо. Я гладил густые выющиеся волосы. Нос жадно вбирал уже знакомый пьянящий аромат.

– Хорошо, хорошо. Я увезу его отсюда, – окончательно решил я. – Ты только успокойся.

Она заплакала навзрыд, моя рубашка на плече увлажнилась. Я ждал несколько минут, пока девушка затихла. Странно, но утешать было приятно.

– Вытри носик, – посоветовал я, глядя на покрасневшее зареванное лицо.

Женя послушно вытерлась воротником халата, расширенные зрачки покорно смотрели на меня, ожидая новой инструкции.

– Ты до бутылки дотрагивалась?

– Нет. Или... Я не помню. Он захлебнулся, дернулся, а я... Тормошила его, за что-то хваталась...

– Подожди, – какая-то ускользающая деталь не давала мне покоя.

Я вернулся в комнату. Второй рюмки на столе не было.

– Он собирался пить один?

– Я не пью крепкое.

Я осмотрел бутылку. Чистенькая, обычная, может на ней и есть чьи-то отпечатки, но я же не эксперт. Глаза привлекла жестяная пробочка. Вот оно! На зазубренном крае зацепилась белая нитка длиной не более двух сантиметров. Покойник мог задеть рукавом, когда открывал. Но нет, рубашка на нем голубая, а сброшенный пиджак светло-коричневый. Или он уже принес бутылку с этой ниткой? Она могла попасть туда совершенно случайно, а может, след оставил тот, кто впопыхах прокалывал пробку.

Я сунул пробочку с ниткой в нагрудный карман рубашки, вернулся к Жене. Автоматически взглянул на ее халат. Голубой, шелковый. Найденная нитка, скорее всего, из обычного хлопка.

– Жди меня на кухне, – велел я.

– Тиша, ты куда? – она нервно вцепилась в руку, когда я двинулся к выходу из квартиры. Видимо взгляд мой был достаточно холоден.

– Я схожу за машиной. Не беспокойся.

– Ты вернешься? Ты меня не бросишь? – в глазах нешуточный страх.

– Женечка, ну конечно вернусь. Нам нужна машина.

На окраину города к дому Ирины Глебовой пришлось добираться на такси. Рука теребила ключи в кармане. Хорошо, что я их забыл выложить у Ирины. Машина сейчас, ой, как пригодится. Пока ехал и посматривал по сторонам, пришла неожиданная мысль, куда деть тело. Первоначально я планировал сбросить его в реку, но потом нашел более простой вариант.

Для удобства требовался помощник. Одному тащить мертвое тело, не привлекая внимания случайных прохожих, было невозможно. Я вспомнил о Сашке Евтушенко. Ему можно доверять полностью. Даже в таком щепетильном деле. Поэтому, сев за руль Ириной «Волги», я первым делом заехал в общежитие.

Дверь на ночь уже закрыли. Постучал. Франц Оттович встретил хмуро, но когда узнал, игриво подмигнул и спросил:

– Как прошло свидание?

– Женщины – это сплошные сюрпризы, – туманно ответил я.

– Золотые слова, молодой человек! – согласился вахтер. – Но сюрпризы бывают разными.

– Да, уж, – вздохнул я и поспешил удалиться.

Сашку Евтушенко пришлось будить.

– Почему так поздно? – уставился он, продрав глаза.

– Вставай! – торопил я.

– Куда? – он удивленно посмотрел на часы. – Ты так долго у Глебовой был?

– Вставай, одевайся. Только не шуми.

– Что случилось?

– В машине объясню.

– Какой машине?

– Да, ну, тебя! Собирайся!

– Ты что, влюбился?

Я сел от неожиданности:

– Почему?

– Потому что ведешь себя, как идиот!

– А влюбленные что, тупеют?

– По крайней мере, глупостей на много больше делают.

– Может, и влюбился, – я задумался над его вопросом. – Я еще не разобрался.

– Когда разберешься, поздно будет. Как честному человеку, придется жениться на Глебовой.

– При чем тут Глебова?

– А кто? Ольга Карпова? Она постоянно забегала, интересовалась, когда ты вернешься от Глебовой. Вся взвинченная, мне даже жалко ее стало.

– И Карпова здесь не причем. Я был совсем у другой девушки. Ты ее не знаешь.

– Ничего себе! Лучший друг влюбился, а я с его избранницей даже не знаком!

– Вот сейчас мы как раз и едем к ней. Познакомлю.

– Ты что, до утра подождать не можешь?

– Нет. Труп надо вывезти пока темно.

Сашка застыл с не застегнутыми штанами, его брови поползли вверх:

– Шутишь?

– Какие тут шутки. Поехали, поможешь.

Мы тихо выбрались через окно в холе на первом этаже. Не хотелось объясняться с Францем Оттовичем. По пути в машине я все рассказал Сашке.

– Ну и дела, – вздыхал он. – Ты хоть понимаешь, в какое дело мы ввязываемся?

– Понимаю, но я должен ей помочь. Я обещал.

– Если попадемся, не отвертимся. Дело подсудное.

– Это логично.

– Твоя логика меня пугает.

Я резко затормозил:

– Не хочешь – выходи. Я и один справлюсь.

В темноте я видел лишь блеск стекол очков друга. Он внимательно смотрел на меня. Потом спокойно сказал:

– Трогай. Я хочу посмотреть на девушку, ради которой идут на такое.

– Скоро увидишь, – пообещал я. – Она... необыкновенная... таких больше нет.

– Исчерпывающее описание, – по-доброму усмехнулся Сашка.

На душе стало легче. Я взглянул на часы. Прошло более часа, как я ушел от Жени. Я представлял, как обрадуется она, когда я вернусь. Она, небось, вся на иголках, места себе не находит и уже сомневается в моей порядочности.

Но Евгения встретила нас с ледяным хладнокровием. На ней был тот же откровенный халат, но прическу она привела в порядок, как-то интересно зашпилив волосы на затылке. Отдельные завлекалки игриво свисали вдоль лица.

Она не особенно удивилась присутствию Евтушенко.

– Это мой друг, – стал объяснять я.

Но она коснулась пальчиком моих губ и тихо шепнула:

– Я тебе доверяю, Тиша.

Труп пришлось обуть и облачить в пиджак. Обувать мертвые ноги в модельные туфли было чертовски не удобно.

Перед уходом я оглядел комнату:

– А где коньяк, – не заметив бутылки, спросил я.

– Вылила. Бутылку потом выброшу.

– Правильно, – удивился я собранности Жени. Глаза скользнули по циферблату наручных часов: – Пол второго ночи. Надеюсь, в вашем подъезде все спят?

Женя пожала плечами.

– Ну, мы пошли, – бодрился я. – Проскочим!

Она порывисто прильнула и влажно шепнула на ухо:

– До завтра.

Голос был интригующим, губы куснули за мочку. Волна дрожи прошла по моей шее и стихла где-то между лопаток.

– Твой телефон? – спохватился я.

Она продиктовала тихо, только для меня. Я запомнил. Есть вещи, которые я запоминаю на всю жизнь.

Мы с Сашкой подхватили с двух сторон скованное тело. Женя открыла дверь, выглянула, прислушалась. Тонкая рука сделала разрешающий знак. Мы с ношей вывалили на лестницу. Щелчок замка за спиной означал, что пути к отступлению больше нет.

Холодок от безжизненного тела зябким страхом переползал к нам. И только тут я понял, в какое опасное дело ввязался. Теперь любая случайная встреча могла завершиться для нас тюремным сроком.

Глава 5

Быстрее вниз. Слаженности в движениях у нас не было, ноги трупa безвольно цокали по ступенькам. Он изображал мертвецки пьяного, а мы заботливых приятелей. Труп со своей ролью справлялся хорошо. Наши скорчившиеся лица норовили отвернуться в стороны. Мне казалось, что шаги слишком громки. Каждый глазок квартиры давил тревожным напряжением. Вот-вот кто-то услышит и заметит нас. Что тогда? Об этом думать не хотелось. Рубашка быстро увлажнилась, хотя физической усталости я совсем не ощущал. Не до того было. Топали мы невпопад. Глаза смотрели на ступеньки, не хватало еще споткнуться.

На первом этаже перед выходом мы перевели дух. Приоткрыв дверь подъезда, я высунулся и огляделся. На первый взгляд никого, машина предусмотрительно оставлена в трех метрах.

– Пошли.

Пихнув тело на заднее сиденье «Волги», Сашка выразил общее настроение:

– Наконец-то.

Он попытался сесть вперед.

– Нет, – возразил я. – Будешь сидеть сзади и придерживать его. Он должен выглядеть просто пьяным.

– Черт! – Сашка плюхнулся назад и брезгливо поправил упавшего «попутчика». – И куда теперь?

– Сейчас найдем местечко. Ты видел, сколько пьяных на остановках спят? А я заметил. Рабочий город. Конец недели. Отъедем подальше и его на остановке выгрузим. Проще простого.

– Давай быстрее.

– Обними его, чтобы не завалился.

– Еще чего. Удружил попутчиком.

– Ну, хоть придержи.

– Сам разберусь, ты поезжай быстрее.

Я кинул взгляд на спящий дом. В Женином окне колыхнулась занавеска. Я улыбнулся и мысленно шепнул: «До завтра, милая моя».

Мы вырулили из двора на широкую улицу. Натруженный асфальт отдыхал. Встречных машин почти не было. Фонари светили тускло. Ближний свет фар был самым ярким пятном на уснувшей дороге. Вдруг сзади раздался вой сирены, и на улицу выскочила машина с мигающими огнями. Вой и огни приближались.

– Она нас заложила! – крикнул Сашка. – Гони!

Я нажал на педаль газа. Страх ознобом вцепился в спину. «Волга» мчалась, пронзая перекрестки. Светофоры мерцали желтым. Но машина с мигалкой не отставала. Я не знал города и боялся свернуть, чтобы не попасть в тупик. К тому же, на такой большой скорости я еще не ездил.

– Я так и знал, что заложит! Гони! – кричал Сашка. – Отрываемся!

Действительно, «Волга» мчалась уверенно, расстояние от преследователя увеличивалось. Я отключил все огни. Асфальт впереди неимоверно почернел.

И вдруг, резкий сигнал клаксона и пронзительный визг тормозов. Очередной перекресток. Слева, крутясь на асфальте, на меня несется неуправляемое такси! От заблокированных шин идет дым.

Нога инстинктивно давит педаль тормоза. «Волгу» заносит. Сашка сваливается с сиденья и страшно ругается. В метре от себя я вижу перепуганное лицо усатого таксиста. Его машина остановилась чуть-чуть не коснувшись моей.

А сзади упрямо приближается красно-желтая мигалка. Я вновь набираю скорость. Потные руки вцепились в скользкий руль, глаза напряженно ждут встречи с новым перекрестком. Только бы проскочить! В зеркале заднего вида всплывает вихрастый затылок друга:

– Повезло! – это он про такси.

Мы вспарываем очередной перекресток. Преследователь несколько сбавляет ход.

– Опять оторвались! – радуется Евтушенко и командует: – Сворачивай! И я выкину труп!

«Куда?», – прикидываю я, поглядывая по сторонам. Вот темный поворот. Я жму на тормоз, переключаю передачи. Руки готовы рвануть руль вправо. Глаза выхватывают в зеркале мигалку сзади. Но что это?

Машина погони сворачивает налево.

Я останавливаю автомобиль. Затылок откидывается на подголовник.

– Ты что?! – кричит на ухо Сашка.

– Это была «Скорая помощь», – выдохнул я и прикрыл глаза.

По вискам бьют молоточки, сердце медленно восстанавливает прежний ритм. Мы стоим на пустой улице. Сашка ерзает на заднем сиденье, я все еще слышу его отчаянное: «Заложил»!

– Ты почему подумал про нее так плохо? – спрашиваю я.

– Я ее совсем не знаю.

– Но ты же ее видел! – я резко повернулся. Глаза ловят стекла очков лучшего друга. Я кричу ему в лицо: – Она не может обмануть!

– А зачем же ты рванул, как угорелый?

– Я? Ты крикнул, гони!

– Ты сам перепугался! У тебя разве не закралось сомнение?

Мы отводим глаза. Молчим и тяжело дышим. В салоне сгущается неприязнь. Только трупу все равно. Он свалился на сиденье, будто уснул.

– Нет. Я в ней не сомневаюсь. – Слова выдавливаются тяжело. Я хмуро себя убеждаю.

Глаза тупо смотрят сквозь лобовое стекло. Впереди обшарпанная остановка. Лавочка. Рядом никого. Рука включает первую передачу. Шуршат шины. Они совсем новые и шуршат особенно звучно. Я торможу напротив остановки. Ни слова не говоря, мы вытаскиваем тело. Два метра до скамьи по открытому пространству кажутся мучительно долгими. Сваливаем тело на лавку. В выпученных глазах Андрея сухо отражается желтый свет фонаря. Мои пальцы прикрывают веки, так он больше похож на пьяного. Торопливо возвращаемся в машину. Друг на друга не смотрим. Сашка рядом на переднем сиденье.

«Волга» плутает по ночным улицам. Я сбился с дороги и долго ищу общежитие. Наконец, нахожу. Останавливаюсь с угла здания.

– Залезай обратно через окно, чтобы вахтер не заметил, – тихо говорю я, глядя на руль. Это первые слова после нашего спора.

– А ты куда? – тихо спрашивает Сашка.

– Надо машину вернуть Глебовой.

Отрывается дверца. Свежий воздух приятно бодрит. Сашка свешивает ноги, наклоняется. Я гляжу на его затылок. Неожиданно он оборачивается и улыбается:

– Как ее зовут?

– Евгения... Женя, – мои губы непроизвольно растягиваются в улыбку.

– Она красивая, – он уже высовывается наружу, но вновь поворачивается и озорно кричит: – Но слишком худая для меня! Таких – только ты любишь!

Его раскрытая ладонь летит навстречу моей. Дружный хлопок. На душе теплеет.

Десять минут назад я чуть было не потерял друга.

По ночному городу я ехал не спеша. Слишком много эмоций за последние два часа прошло бурлящей рекой сквозь меня. Поток событий успокоился. Напряжение растворилось, волнение улетучилось, в осадке – ил усталости, по берегам – пустота.

Рука флегматично переключала рычаг коробки передач на поворотах. Я ехал в крайнем правом ряду. Сквозь открытые окна врвался ночной воздух. Мне хотелось выветрить неясный дух мертвого тела из новой машины.

По глазам резанул яркий свет. Машина, пристроившаяся сзади, врубила дальний. Ну что за уроды? Места им мало, что ли, на пустой улице? Рука потянулась к зеркалу, чтобы отклонить его. Неожиданно еще одна машина вынырнула слева, обошла меня и, резко клюнув вправо, перегородила путь. Я еле успел затормозить, прижавшись к обочине. Сзади поджал тот, кто светил дальним. Только тут я припомнил, что машина эта плелась за мной уже несколько километров.

Кто-то выждал, пока я не сверну на маленькую темную улицу, и перекрыл дорогу!

Я оказался в западне. Ни вперед, ни назад. Гнусный холодок тревоги прошелся по телу.

Глава 6

Я осмотрелся. Машину с двух сторон подпирали оранжевые «Волги» – такси. Из передней вышел высокий мужчина лет тридцати с загнутыми вниз усами и удлиненными бакенбардами. В руках он играл увесистой монтировкой. Фары задней машины погасли, мы погрузились в темноту.

Водитель с монтировкой встал около двери и мрачно изрек:

– Выходи, козел, поговорить надо.

Тут я его узнал. Это был тот самый водитель такси, с кем я чуть не столкнулся на перекрестке. Его суровый вид не обещал приятной беседы. Я заблокировал дверные замки и торопливо закрыл окна. Таксист усмехнулся:

– Не поможет, – Он выразительно замахнулся монтировкой на лобовое стекло. – Выходи, щенок!

Уж лучше подставить под удар собственный лоб, чем новенький автомобиль Глебовой. Я открыл дверцу и выбрался, прижимаясь к «Волге», словно она могла меня защитить. Другой водитель, маленький и полный, в это время внимательно рассматривал мою машину.

– Проверь, второго нет? – приказал высокий.

– Пусто. Один.

– Значит, высадил. Ты что, бомбишь? Наш клиентов уводишь, гад!

– А тачка у него – новье! – уважительно цокнул полный. – И номера блатные.

– По номерам я его и запомнил, гада! Чья машина, щенок? Папенькина? Развелось хлыщей на дорогах.

Я молчал, припомнив, что первые две цифры в номере нули. Таксист продолжал кипятиться:

– Водяры нажрался и по городу лихачишь? Ты меня чуть на тот свет не отправил! Я из-за тебя чуть тачку не угробил! Кто отвечать будет за это? А?

– Учить надо молодежь, – поддакнул второй таксист.

– Сейчас научим. Я стекла бью, а ты шины коли! – скомандовал он.

– Сделаем, – в руке полного что-то блеснуло.

– Стойте! – воскликнул я, представив, во что может превратиться новенькая «Волга». – Я виноват, знаю. Но, поверьте, я не со зла. И потом... Ведь все обошлось.

– Что обошлось? У меня резина в хлам! Корды торчат. Кто отвечать будет?

– А у него, Витек, резина новенькая. Давай перекинем, – предложил полненький. – Поменяем колеса.

Высокий Витек, постукивая в руках монтировкой, сразу же согласился:

– Снимай. А я пока щенка покараюлю. – Он злобно посмотрел на меня: – Вякнешь, бью по ребрам. А потом... как получится.

Маленький таксист уже подбежал с домкратом к заднему колесу.

– Подождите! – предложил я. – Давайте я деньгами компенсирую. А то очень спешу.

– Деньгами? – задумался Витек.

– Ну, конечно! Какая вам разница! Купите новые колеса.

– Ты хоть знаешь, сколько они стоят?

– Деньги у меня есть. Договоримся. Сейчас я достану.

Я прыгнул в машину, открыл бардачок. Таксисты выжидательно переглядывались. Я делал вид, что копаюсь в бардачке, а сам выкрутил руль в сторону обочины и включил первую передачу. Переднее такси торчало под углом и перегораживало выезд на дорогу. Моя машина тоже стояла носом к обочине. Сдать назад было нельзя, практически под бампер подпирало второе такси. Единственный путь – уходить вправо через бордюр.

Пока я торговался с таксистами, то успел заметить, что бордюр старый, изрядно облупившийся. За ним росли редкие кусты высотой не более метра. Сейчас лето и ветки должны быть гибкими. За кустами виднелась боковая дорожка и въезд во двор. Предстояло действовать быстро.

Левая рука захлопывает дверцу, правая одновременно поворачивает ключ зажигания. Я газую, падает отлетевший домкрат, машина скачком взбирается на бордюр. Под днищем скребет смятый куст, колеса спрыгивают на боковую дорожку, гудит двигатель, скрипят тормоза, я сворачиваю во двор.

Быстрый взгляд назад. Изумление на лицах таксистов сменяется решимостью. Каждый запрыгивает в свою машину. Перед первым такси столб, он сдает назад. Второй с ревом рвет вперед. Колесо под острым углом не может одолеть бордюр. Машина соскакивает и бьется в первую.

Металлический удар я услышал уже во дворе. Главное, чтобы здесь был другой выезд. Обогнув угол дома, выехал на перпендикулярную улицу.

Даже сквозь шум двигателя слышны отголоски мужской ругани. Теперь нужна только скорость.

Глава 7

Ирина Глебова разбудила меня в автомобиле. Я дрых, откинув спинку сиденья до упора. Уже светало, когда я добрался к ее дому. Возвращаться в общежитие не было никакого смысла. Я просто прикрыл глаза. Усталость придавила непроницаемым одеялом.

– Ты что здесь делаешь? – Ирина стучала ноготком по стеклу. Солнечные лучи, прорвавшиеся сквозь крону дерева, затейливым узором играли на ее улыбающемся лице.

– Охраняю, – зевнул я и открыл дверцу.

– Ты ради меня приехал?

Девушки часто задают вопросы, на которые надо лишь утвердительно кивать и ласково улыбаться. Особенно, когда в их глазах радостное ожидание.

Я кивнул и улыбнулся.

– Честно? В такую рань, через весь город?

Я вновь кивнул и улыбнулся шире.

– Ой! Надо было тогда зайти, позавтракать! Я из окна на машину смотрела, волновалась, как бы не угнали в первый же день, но тебя не заметила. А то бы позвала. У меня кофе импортный есть. А ты, оказывается, охраняешь. Я не знала, что ты ключи забрал. Специально, да? Ты тоже волновался?

– Давай, я тебя буду учить водить машину, – прервал я ее щебетание.

– Вот это да! Здорово! Давай! Мне сразу за руль садиться?

– Со двора лучше я выеду сам.

Мы выбрали тихую улицу и поменялись местами.

– На первую, плавно отпуская сцепление, тормози. На первую. Сцепление. Тормози. – Я отдавал команды и поглядывал на ноги Ирины.

Тонкое платье съехало, обнажив белые колени. Расставленные ноги энергично двигались, кромка платья смялась и сползла к сиденью. Красивые обнаженные ноги были очень близко от меня. Раньше я не обращал на них внимание.

Я припомнил ее фигуру в полный рост. Худенькая, стройная. Вот только пропорции подкачали. Слишком удлиненная талия, отчего ноги кажутся приплюснутыми.

Вообще-то, фигура – первое, на что я обращаю внимание при встрече с девушкой. Уже потом – волосы, лицо, глаза. Вот у Женьки Русиновой фигура идеальная. И ножки, и попка, и грудь, и плавные переходы между ними. Эх...

По-моему, я отвлекся. Ирина упорно ехала на первой передаче, двигатель недовольно гудел.

– А теперь переходи на вторую. Вот так. Чувствуешь скорость? Давай третью...

Ирина, вытянув носик, напряженно смотрела вперед. Сквозь тонкие светлые волосы пробивалась мочка уха. Этакая мягкая, слегка оттопыренная подушечка. Не только без сережки, но даже без прокола. Ушко было того же цвета, что и волосы. Издалека, наверное, и не заметишь. А вот щечки порозовели, видимо от волнения. Губки налились прекрасным малиновым цветом. Только тонкие.

Вот у Жени и волосы, и губы...

Да что я их все время их сравниваю? Женька – красавица! Таких – единицы. А Ирина... Ирина вполне симпатичная девушка. Очень даже ничего.

Я совсем забыл, что она преподаватель и видел в ней обычную девушку, которая жадно ловит каждое мое слово.

– Теперь попробуй, затормози точно напротив вон того столба. Так. Хорошо! Учись останавливаться там, где наметила. Попробуй еще раз.

Машина снова встала. Ирина повернула раскрасневшееся лицо. Глаза возбужденно блестя.

– У меня получается?

Я привычно кивнул.

– Правда получается?

Видимо, иногда кивка недостаточно.

– Ты просто умница! Через несколько дней сможешь водить машину самостоятельно. У меня в первый раз получалось гораздо хуже.

– У тебя, наверное, был не такой хороший учитель, – тихо произнесла она и скользнула взглядом по моей фигуре.

Черт! По-моему я покраснел. Я не понимал, как себя вести, когда девушка говорит комплименты. И еще я не знал, куда деть руки. Они как-то сразу стали мешаться. А глаза вновь уткнулись в белую кожу ее ног.

– Ты этим летом не загорала? – сами собой пробормотали мои губы, озвучив мелькнувшую в голове догадку.

– Июнь был дождливый, – она поправила платье, но не до конца. Колени оставались видны. – А сейчас вода в реке уже теплая. Знаешь, что? Завтра я возьму купальник, и поедем на пляж. Ты тоже возьми. Согласен?

– А сегодня? – я приоткрыл окошко. День обещал быть жарким.

– Сегодня надо ехать в университет. Мы уже опаздываем. Садись теперь ты за руль. А вечером я куплю правила дорожного движения. Совсем не разбираюсь в знаках.

Пока пересаживались, мой взгляд упал на заднее сиденье. Невольно вспомнился труп. Пальцы похолодели, я поежился, словно опять коснулся окоченевшего тела. А потом всю дорогу я косился на скамейки при остановках. Каждая напоминала вчерашнюю. Где-то в этом районе мы ночью оставили труп.

И вдруг я его увидел!

Он лежал на скамейке, а рядом безмятежно топтались пассажиры в ожидании автобуса! Никто не обращал внимания на неподвижное тело. Два противоречивых желания: проскочить быстрее это место и остановиться, одновременно терзали меня. Ничего не решив, я медленно ехал мимо остановки.

И в этот момент труп зашевелился! Небритое лицо повернулось к дороге, воспаленный взгляд таращился на окружающих. Не он! Обычный алкаш.

– Смотри! – крикнула Ирина.

Нога вдавила педаль тормоза, машина дернулась и заглохла. Перед капотом торчала побледневшая старушка. Я оторопел. Наверное, именно в такие моменты появляются седые волосы. Старушка пришла в себя, отчаянно жестикулировала кулачком, из приоткрытого окна доносилась ее ругань. В этом деле ей тут же помогли пассажиры на остановке.

Я сдал назад и объехал старушку. Голова постоянно кланялась в извинениях.

– Я ведь ее даже не задел, – оправдывался я перед Глебовой.

– А если бы сбил, то насмерть? – спокойно поинтересовалась Ирина.

Я удивленно посмотрел на нее:

– Скорость была небольшая. Хотя ноги старушке, наверняка, мог сломать.

– А на капоте или этом... бампере след останется?

– Если бы задел только углом, нет. А бампер у «Волги» крепкий. Да ты не волнуйся, я буду теперь осторожен, – поспешил успокоить я.

Но Ирина как-то съежилась в кресле и погрузилась в раздумья. Как быстро у нее меняется настроение. Вот и вчера, после странного телефонного звонка так же было. Я не выдержал и задал вопрос:

– Слушай, а вчера по телефону тебе что сказали?

– Вчера? – Она нахмурилась, сбросила туфли и поджала ноги. Руки обхватили плечи. Ира стала похожа на беззащитного котенка, пытающегося укрыться в кресле. После долгой паузы ее губы прошептали: – Произнесли только три слова. «Рано радуешься, красавица». И положили трубку.

Я удивился.

– А голос ты узнала?

– Голос был с кавказским акцентом. Но какой-то странный... Нет, я никого не узнала.

– Ты думаешь, это насчет «Волги»?

– Вчера я радовалась двум вещам. Автомобилию и... И тому, что ты был рядом.

Голубые глаза девушки беззастенчиво смотрели на меня.

И зачем я только спросил? Все эти женские откровения... Что она имеет в виду? Ну, нет, хватит лезть в чужую душу.

– Соседи увидели новенькую «Волгу», вот и завидуют! – излишне бодро выкрикнул я, стараясь стряхнуть смущение. – Народ то у нас какой? Сама знаешь.

Дальше ехали молча и быстро. Я не знал о чем говорить и торопился расстаться.

Но в университетском вычислительном центре Ирина Глебова первым делом тащит меня в свой кабинет.

– Я обязательно должна напоить тебя чаем, – решительно заявляет она. – Ты же совсем не завтракал!

Пока шумит электрический чайник, я напряженно смотрю на телефонный аппарат. В голове назойливо мелькает номер Евгении. Я должен позвонить и рассказать, как мы избавились от трупа. Ведь она волнуется. Я должен был сделать это еще ночью. Но постеснялся ее будить. Она и так пол ночи не спала.

А сейчас мне мешает Глебова. Не мог же я при ней говорить про труп.

– Даже печенья не осталось! – Ирина вжикнула очередным ящиком в столе. – Я сбегаю в буфет. Он должен уже открыться.

За ней захлопнулась высокая дверь. Как это кстати! Моя рука вцепляется в телефонную трубку. Гудки. Длинные гудки. Она не подходит. Может, ошибся номером? Палец вновь накручивает диск. Потом еще и еще раз. Тишина. Женечка, где же ты?

Ирина вернулась, порхает вокруг меня. Чашки, сахар, бутерброды. Чай очень горячий. Я обжигаю небо. Язык чувствует, как отслаивается кожа.

Бесцеремонно открывается дверь. Я слышу строгий голос Ольги Карповой:

– Заколов! Ты планируешь к нам присоединиться? Надо алгоритм переработать, у нас заикливание идет. Мы уже больше часа с Евтушенко занимаемся.

Я оборачиваюсь. Ее взгляд назойливо буравит Ирину. Таким взглядом можно скважины на мерзлоте пробивать. Глебова делается строгой, садится за рабочий стол.

– Заколов помогает мне систематизировать материалы, – говорит она, склоняясь над бумагами. И небрежно в сторону Карповой: – Когда мы закончим, он подойдет.

– Тихон, у тебя всегда есть интересные идеи. Приходи быстрее, мы закопались, – теперь Ольга говорит мягко и просительно.

Я неизменно клюю на этот тон, тем более, когда девушка ненавязчиво хвалит. Вот и сейчас сразу поднимаюсь.

– Подождите! Вы мне еще нужны, – делает властный жест рукой Глебова.

Я сажусь. Девушки обмениваются колкими взглядами. Дуэль без оружия и слов. Первой не выдерживает Карпова. Хлопает дверь. Звук сильнее чем нужно.

Ирина пшикает в кулачок, сдерживая смех.

– Чего это она? Такие глазищи...

Я тоже улыбаюсь. Мы как два школьника, застигнутые врасплох учителем.

– Ты обязательно все съешь. Пока не съешь, не отпущу!

Тон у Ирины такой, что я вспоминаю свою маму. Как одинаково женщины понимают заботу о мужчинах.

Чай уже остыл, проявляется приторная сладость. Сколько же она сахара туда набухала!

В дверь вновь просовывается Карпова.

– Вот, Заколов! Тебя разыскивают!

В ее голосе торжество, густо перемешанное со злорадством. Взгляд обращен не ко мне, а к Ирине. Ехидные глаза говорят: тебе он тоже не достанется!

Но мне не до женских колкостей.

Разыскивают!

Вот и конец вчерашней авантюры.

Глава 8

Сильная рука Карповой распахивает дверь. Я ожидаю увидеть мощные фигуры людей в погонах. Но в проеме появляется стройная Женя Русинова:

– Тиша, я к тебе...

Она всегда заканчивает фразу очень тихо. Последние слова, слетающие с губ, скорее улавливаются по движению. От них веет нежностью. И всегда остается ощущение, что часть слов недосказана. И ты сам волен домысливать их.

«Я к тебе пришла». Нет, не так!

«Я к тебе спешила». Да какая разница!

Она искала меня!

Каблуки-шпильки трижды щелкают. Женя в середине комнаты. Всего три шага, а сколько грации! Белые ремешки туфель на загорелых лодыжках, точеные икры, плавно переходящие в колени, над которыми колыхнется оборка легкого платья. Она смотрит только на меня. Она не замечает ни злорадства Карповой за спиной, ни напряжения в позе хозяйки кабинета. Кроме меня для нее никто сейчас не существует.

Я кладу недоеденный бутерброд. Между зубов остатки колбасы, и запах во рту не самый свежий.

– Женя..., – мои глаза прилипают к открытым плечам.

Тонкие бретельки поддерживают ткань чуть выше груди. Два четких пупырышка на синем платье в белый горошек не оставляет никакого сомнения, что лифчика на девушке нет. Узкая кисть руки лежит на вызывающе белой сумочке. Волосы прибраны сзади в замысловатую прическу. Голова наклонена, одинокая прядь покачивает изогнутым кончиком ниже подбородка.

Я около Жени. Наверное, чтобы там оказаться, я передвигал ногами, но совсем не помню этого. Она смело берет меня за руку, и мы выходим в коридор.

– Женя, я тебе звонил. Недавно... Все прошло нормально, – мямлю я.

Она совсем не слушает и толкает меня к стене. Карие глаза с поволокой блуждают по моему удивленному лицу. Изогнутые ресницы опускаются, тонкие руки взмывают и смыкаются на моей шее. Пальчики давят нежно, но властно, я наклоняюсь к милому лицу. Мягкие открытые губы несколько раз ласково прикасаются к моим, а затем жадно накрывают рот.

Я в первый раз целуюсь с Женькой Русиновой! Точнее она целует меня. Я скован. По коридору ходят какие-то люди, они наверняка пялятся на нас. Совсем рядом слышится удивленное хмыканье Карповой. А еще этот проклятый колбасный запах!

Но Женьке все равно. Она вжимается в меня и так двигает губами, что я тоже забываю, где нахожусь. Все вокруг заволакивает туман. Сейчас существуют только она и я! Больше – никого!

Наши губы разлепляются, ее влажное дыхание совсем рядом. Между нашими лицами меньше сантиметра.

– Женька, милая..., – нужны какие-то слова, но их у меня нет. В голове сладкая пустота. Я прижимаю гибкое тело, остро ловя новые неизведанные ощущения. – Женька...

– Потом, потом, – ее пальчик игриво нажимает на мои губы. Хочется его куснуть.

– Ты ради меня пришла?

– Не только, – ее руки соскальзывают по плечам и упираются в грудь.

Я впервые так близко вижу бездонные омуты карих глаз. В них можно утонуть. Взгляд затуманен. Дуги бровей, как профиль накатывающейся волны. У переносицы гуще, утончаются к краям. В глазах есть что-то восточное – страсть и тайна.

– А к кому еще?

– Мне хвосты надо сдать...

– Так сессия же была в июне?

– Я с Юрой в Ялту ездила. – Она мягко отстраняется. Когда она серьезна, ее сжатые губы приобретают идеальную форму – галочка посередине верхней, прогибающаяся дуга нижней.

– Я тебе еще ничего не рассказал, – спешу сказать я, чувствуя, что она исчезает.

– Мне назначено. Ждут. – Она нежно улыбается, губы меняют форму – верхняя растягивается в линию, но нижняя сохраняет дугообразный изгиб. – Тиша, приходи ко мне вечером...

Она быстро скользит по коридору и вбегает по лестнице. Я упрямо тащусь за ней.

– Не ходи за мной! – строго машет она, брови вновь хмурятся.

Она около широкой двустворчатой двери. Один раз ударяет костяшками пальцев. Дверь торопливо распахивается, словно кто-то дежурил с той стороны. Сальные выпученные глазки на горбоносом лице встречают ее. Женя скрывается за дверью. Щелкает замок.

В коридоре неприятная тишина. Я плетусь к незнакомому кабинету, смотрю на табличку: Амбарцумов Левон Суренович. Декан.

Зачем в таком легкомысленном платье она пришла к декану? Почему дверь закрыли на замок? А как на нее смотрел этот лысый коршун!

Я замахииваюсь кулаком и хочу стучать в ненавистную дверь. Но рука безвольно опускается. Я сажусь на ступеньки и жду. Время тянется медленно. На меня натыкаются редкие сотрудники. Глупо! Как все глупо!

Я ухожу. К Ирине вернуться почему-то стыдно.

Я в лаборатории. Евтушенко склонился над бумагами. Карпова прильнула к нему и жадно ловит объяснения.

– Что там с алгоритмом? – спрашиваю я.

Карпова изучающе меня рассматривает. Видимо ее удовлетворяет мой растерянный вид, и она улыбается. Ее плечо демонстративно соприкасается с Сашиним. Евтушенко близоруко щурится. Он без очков.

– Мы уже все придумали. Количество итераций сокращается на порядок, – сообщает он.

– Да! – поддакивает Карпова, еще теснее прижимаясь к Саше. – Пока некоторые развлекаются, мы работаем.

У меня такое впечатление, что я здесь лишний.

– Молодцы, – одобрительно бурчу, хотя в голосе равнодушие.

«Вечером... Женя обещала вечером...», – сладко вспоминаю я.

Мне не хочется корпеть над формулами и операторами. Я думаю только о Жене. Вечер, побыстрее наступил бы вечер. Воображение рисует нечто сладко-туманное, до сих пор неизведанное. Я и она в спальне. Полумрак, объятия, близость...

Но реальность оказалось совсем иной.

Душная кубатура шкафа вместо мягкой постели.

Глава 9

Сжавшись калачиком, я сидел в платяном шкафу. Когда в последний раз я залезал в шкаф? Наверное, лет в шесть, играя в прятки. Тогда был азарт и возбуждение от игры. А сейчас двадцатилетний дылда, стыдливо притаился, обхватив колени, среди женских платьев.

В шкаф меня запихнула Женя Русинова. Я и возразить не успел. Не до того было. Мы разговаривали наедине, когда в дверь неожиданно позвонили.

– Это Юрий, – встрепенулась она и сразу же направила меня в шкаф.

Получилось как в анекдоте: возвращается муж – любовник прячется в шкаф.

Но я не любовник! К сожалению. А Юрий Борисович Евгении не муж! Могла бы сказать, что встретила одноклассника. Представить. Я бы вежливо откланялся и ушел. Но не захотела, выбрала другой вариант, унижительный и опасный. Наверное, Калинин страшный ревнивец. Его понять можно. Да и время уже позднее для безвинной встречи с одноклассником «тет-а-тет».

Я посмотрел на часы. Светящиеся стрелки «Командирских» показывали начало одиннадцатого.

Время пролетело быстро, с тех пор, как после университета я отвез Ирину домой, где она непременно захотела угостить меня ужином, долго возилась на кухне и переругивалась с мамочкой. У той сдвинули график дежурств, и застать ее дома Ирина не ожидала. А потом я через весь город на перекладных добирался до квартиры Жени.

– Я пришел, – радостно воскликнул я, когда Женя открыла дверь.

Моя улыбка натолкнулась на ее озабоченное лицо.

– Проходи, – прошептала она, склонив брови.

Мы вошли в комнату. Она сделала жест рукой, и мы расположились в креслах. Я оказался на месте вчерашнего покойника. Женя была все в том же платье в горошек, что и днем, только ее густые черные волосы были распущены. Она в раздумье заматывала кончики волос на указательный палец и тут же их распутывала.

– Как прошел экзамен? – поинтересовался я. Мне не давал покоя большой хищный шнобель Левона Суреновича.

– Хвосты? А-а... Сдала, – рассеянно ответила она.

– Ты всегда так экзамены сдаешь?

– Как так?

– Ну вот так... Наедине с преподавателем, в отдельном кабинете...

– Ты на что намекаешь? Какое тебе дело? Как хочу, так и сдаю!

Разговор не клеился. От мягкого дневного поцелуя не осталось и воспоминания.казалось, те счастливые мгновения были в какой-то давней прежней жизни.

Я опустил взгляд на журнальный столик, разделяющий нас. Вчера здесь стояла бутылка коньяка.

– Откуда взялся этот коньяк? – я показал пальцами, словно бутылка все еще находилась между нами.

– Андрей принес с собой.

Я вспомнил, что уже задавал этот вопрос. И ответ был тот же самый.

– Странно... Он принес отравленный коньяк и сам его выпил.

– Может, в магазине суррогат подсунули?

– Ты что, это был мгновенный яд, а не поддельная бурда, из-за которой бывает расстройство желудка и трещит башка. Подумать только, а ведь ты тоже могла его выпить!

– Я уже говорила, что терпеть не могу крепкие напитки.

Мы помолчали. Женя понуро смотрела на стол, что-то вспоминая.

– А куда вы... Андрея..., – еле слышно произнесла она.

– Положили на скамейку.

– Какую скамейку?

– На городской остановке.

– Просто на скамейку?

– Да.

– На обычной остановке?

– Самой обычной.

– Какой ужас!

– А что бы ты хотела? В реку?

– Не злись. Мне его жалко...

– Утром его, наверное, нашли.

– Да, уж, нашли... Юрий из-за этого срочно из Москвы вернулся. Когда ты позвонил в дверь, я думала, что это он.

Последние слова меня неприятно укололи. Выходит, она ждала совсем другого мужчину, и поэтому не обрадовалась нашей встрече. Опять воцарилось молчание. Все шло совсем не так, как я планировал.

И тут в прихожей затренькал звонок. Требовательный. Властный.

После чего я и оказался в шкафу.

– Сиди тихо, – решительно шепнула Женя и плотно прикрыла дверцу.

Я погрузился в душную темноту. Голова просунулась между платьями. Словно влез в густой куст, где огромные листья сшиты из ткани. По лицу струилось нечто гладкое и прохладное. Нос вдыхал запах холодной свежести. Так пахнут яблоки, принесенные с мороза. На плечах лежала грубоватая ткань тяжелой юбки. Пальцы ощупывали другие платья и блузки, ладони тонули в плотных занавесах одежды, мысли возбуждали воображение. Все это бывает очень близко к ней, обнимает ее тело, впитывает ее запах! Я просунул руку внутрь прохладного платья, представил, как Женя около зеркала одевает его, как ткань скользит по ее коже, вздрагивает при поворотах... И задохнулся от восторга.

Голоса переместились из прихожей в комнату.

– Юра, может, на кухню? Чая попьем, – предложила Евгения. Чувствовалась, что она сдерживает вошедшего мужчину.

– Какой тут чай! – Озабоченный мужской голос переместился в центр комнаты. – Ты представляешь, я сюда летел, думал, все несчастным случаем обернется, или, на худой конец, чьей-то глупостью. А тут – на тебе! Отравление цианидом! Это уже факт, медэксперт дал заключение. И труп явно на остановку подбросили. Не мог он там умереть! Что ему делать на остановке общественного транспорта? У следователя масса вопросов ко мне. Уже звонили... И тон такой, знаешь, наглый. Не то, что раньше. Завтра встречаемся.

– Успокойся, Юра. Ты ведь не причем.

– Не скажи. Ведь это убийство. Убили моего близкого сотрудника. Ну, ты же Андрея прекрасно знаешь. Незаменимый был помощник. Теперь я должен обязательно убийцу найти. И быстро. А то слухи поползут... Не отмажешься. И замолчать невозможно! Десятки людей тело видели. На людной улице выложили, подлецы. Кто-то действовал очень дерзко. Словно знак какой-то мне подал.

Застонало кресло, тяжелая фигура долго принимала удобную позу.

– Юра, а тех, кто тело подбросил, неужели никто не видел? – вкрадчиво спросила Евгения.

Мне показалось, что она угнездилась на валике кресла рядом с Калининым. Воображение быстро дорисовало его руку, лежащую на бедре девушке. Я куснул платье. Как еще я мог выразить свое раздражение?

– Я из Москвы районному прокурору звонил, велел, чтобы лучших специалистов на это дело выделил. Следователь активно работает по этому вопросу. Завтра узнаю. Ты мне лучше вот что скажи: Андрей вчера к тебе не заходил?

– Андрей? – Евгения выдержала паузу и очень лениво произнесла: – Ну, что ты. С какой стати?

Я оценил ее актерские способности.

– Да, понимаешь, не можем разобраться, где он был вчера вечером? Я тебя из университета подвез... Кстати, как дела с экзаменами, котенок?

– Нормально. Сдала.

– Молодец, молодец, киска. Если совсем уж тупик будет, обращайся, решим вопрос. А так, лучше сама. Ты ведь у меня умница, красавица... У-у, какая ножка. Все отдам за эти ножки... Ну, что ты, что ты...

– Юра, подожди. Что про Андрея удалось выяснить?

– В том то и дело, что ничего. Я тебя подвез домой, заскочил на работу и срочно в Москву. Попросил, чтобы рейс задержали. Андрей меня в аэропорт проводил. У нас так принято. У меня пакет завалился, я ему передал. Там коньяк оставался, еще чего-то. Шофер сегодня доложил, что Воробьев его попросил высадить в центре. На твоей улице, кстати. Что ему в этом районе надо? Живет ведь он в другом месте. Жил... Э-эх... У тебя выпить есть?

– Нет, – торопливо ответила Евгения.

– С женой его я разговаривал. Андрей ей звонил в тот вечер. Сообщил, что на службе задерживается. Соврал... Но ей я этого, конечно, не сказал. У него же остался маленький ребенок. Вот беда! А по всему получается, что у Андрея любовница была. С чего бы ему иначе врать?

– Все вы мужики одинаковые. Мало вам одной!

– Котенок, ну что ты! Ты для меня почти жена. Ты же знаешь. Лапонька моя, солнышко..., – последовало звучное чмокание.

Я напрягся, рука смяла висящую перед носом ткань. Пусть только попробует, старый козел, устроить любовную сцену. Выйду и... Как я поступлю, я не успел решить. Рука дернулась, вешалка качнулась и стукнулась о стенку шкафа. Касание было не сильным, но звук показался громким, ведь я сидел словно внутри барабана. В кулаке оказалась смятая кофточка, я замер.

– Юра, ну, хватит, – резко оборвала нежное воркование Женя. Послышались ее легкие шаги. Она явно выскользнула из объятий. Ее голос звучал уже с другой стороны: – Сейчас не время. Мне тоже очень жалко Андрея.

– Да, Андрей... Угораздило же его вляпаться в дурацкую историю. Все так некстати!

– Ты о чем? Он умер!

– Он то умер, а нам еще жить. Наверняка будут опрашивать его окружение, родственников, знакомых. Следователь и тебе может задать вопросы. Но я попрошу, чтобы тебя не тревожили.

Зазвонил телефон. Зуммер гудел прямо за стенкой шкафа.

– Слушаю, – раздался осторожный голос Жени.

Я чувствовал ее присутствие совсем рядом, казалось, протяни руку и достанешь. Тело непроизвольно развернулось, шкаф скрипнул. Я замер, стараясь не дышать. Если так хорошо слышно ее, то и меня могут услышать.

– Это тебя, – громко произнесла Женя.

Я вздрогнул, мне показалась, она обращается ко мне.

– Меня? – удивился Калинин. – Кто это еще?

Он взял трубку, кашлянул, голос приобрел строгие нотки:

– Калинин у аппарата... А-а, ты Петр Кириллович. Как меня здесь вычислил?... Очень надо? Понимаю, понимаю... Важный вопрос, говоришь. Минутку.

По едва слышным движениям я догадался, что Калинин прикрыл ладонью трубку.

– Женечка, ты чай предлагала. Сходи, котенок, на кухню. Приготовь.

Тембр его голоса легко варьировался от нежно-домашнего до начальственного. Когда Женя вышла, он сухо спросил:

– Ну, в чем дело, Кирилыч?

Калинин оперся о шкаф, стенка дрогнула. Он, видимо, развернулся так, чтобы разговор не был слышен в другой комнате. Но я, напротив, теперь мог улавливать и слова собеседника.

– Проблему ты мне создал, Юрий, – хрипел голос в трубке.

– Жизни без проблем не бывает. В чем дело-то?

– Машину из твоей доли ты зачем в городе оставил? Да еще в ГАИ зарегистрировал?

– Да ладно, велика проблема...

– Нет, Юра, ты, видимо, не понимаешь или прикидываешься, – шипела трубка. – Это левая «Волга». Ее нет ни в одних документах на заводе. Ее в природе не существует!

– Кирилыч, не кипятись. Мне просто срочно понадобилась машина здесь в городе.

– Борисыч, ты подставил всё дело! Понимаешь? Не только меня, а других авторитетных людей. А они на твои чины смотреть не будут. Я тебе отстегиваю машины, чтобы ты сбывал их в Среднюю Азию. Моя вотчина – Кавказ. Надо строго выполнять обязательства!

– Кирилыч, бывают в жизни обстоятельства...

– Обстоятельствами не прикрывайся! У меня тоже бывают обстоятельства, но я себе такого не позволял. Ты пренебрег элементарной осторожностью!

– Ну, все, все. Подумаешь – одна машина.

– Да еще на бабенку какую-то оформил. Она же хвастаться будет. У соседей вопросы возникнут: откуда? Она сболтнет. И пошло, и поехало. Любой опытный чинуша в миг дело раскрутит. И В Москву капнет.

– Ты что предлагаешь? – засопел Калинин.

– Срочно уничтожь машину. Чтобы она сгорела со всеми документами. И не в нашей области, а где-нибудь подальше. А потом, снимай с учета, как не подлежащую восстановлению.

– Ну, это... Ты хватил. Новая совсем.

– Юра. Это не просьба. Это требование. И я два раза повторять не буду! Или ты делаешь, как я говорю, или...

– Что, или?

– Я через Отара Тбилисского работаю. А у законников нравы крутые.

– Ты что, мне угрожаешь?

– Понимай, как хочешь. Я все сказал. Даю два дня. А дальше я ни за что не ручаюсь.

Я услышал гудки. Гудки были долгими. Потом гулко сотряслась деревянная стенка – Калинин жажнул кулаком по шкафу. На меня свалилась тяжелая юбка. Дверца шкафа качнулась и с пронзительным скрипом отъехала. Свет расширяющейся полосой вторгался в мое убежище. Сейчас Калинин шагнет в центр комнаты, и мое присутствие будет раскрыто.

– Женя! – крикнул Калинин.

Но торопливые шаги домашних тапочек на твердой подошве уже стучали по коридору. Дверца к этому моменту распахнулась полностью. Я повернул голову. Согнутая спина в коричневом костюме удалялась от шкафа. Ниже поясницы костюм был сильно смят. Я почему-то представил такое же помятое выражение на лице Калинина. Он плюхнулся в кресло. Тяжелая голова с седыми висками поворачивалась ко мне. Я прикрылся юбкой. Как ребенок, честное слово.

Лучше бы он меня застал в квартире, чем в таком глупом положении!

И тут шаги Жени остановились около шкафа. Дверца шумно захлопнулась. В закрывающейся щели я заметил уголки глаз Калинина. И сразу – темнота.

– Что случилось, Юра? – встревоженный возглас Жени метнулся к креслу.

– Ничего. Ничего особенного. Обычные трудности. – Он надолго замолчал. Потом глубоко вздохнул: – Ну, ладно. Я поеду. Завтра тяжелый день предстоит.

Мне сразу стало легче. У порога они поцеловались. Я слышал шорох одежды и звук разлепляющихся губ. Когда захлопнулась дверь, Женя вернулась к шкафу. Щелкнул мебельный замочек. Полоса света накрыла мою согнутую фигуру.

– Вылезай, Тиша, – Женя улыбалась. Локоны черных волос подрагивали как пружинки. – Ты не заснул?

Она озорно смотрела на меня, словно мы действительно играли в прятки, и она, наконец, меня нашла. Но у меня было совсем другое настроение. Я развернулся и свесил ноги на пол. На плечах громоздился ворох одежды.

– Что у тебя с ним? – спросил я, уткнувшись глазами в пол.

Женя отвернулась и отошла. Я услышал голос, похожий на шелест листвы:

– Я его любила.

– Он же старый! – выкрикнул я.

– Он хороший.

– Но он... – я смотрел на ее тонкую талию, которая была прямо передо мной и не находил слов. – Но так нельзя!

– Что нельзя? – она порывисто обернулась.

– Жить с ним. Целоваться с ним.

– Лучше человека я не встречала, – она вновь отвернулась. Волосы веером рассыпались по обнаженным плечам.

– Так почему же ты ничего не сообщила ему про Андрея? Почему ты вчера позвала меня?

– Юрий был в Москве.

– А сегодня? Почему ты ему соврала?

Она долго молчала, прежде чем сказать:

– Я любила его, и нам было хорошо... А сейчас я люблю свои воспоминания... Раз все уже произошло, лучше ему не говорить.

– Женя, Женечка. Что ты несешь? – Я встал и зло швырнул белую блузку, все еще зажатую в руке.

Ткань раскрылась в полете и смятым парашютом приземлилась на кровать. Я узнал кофточку, в которой впервые увидел Женю в университете. Яркий образ полоснул вспышкой воспоминания – белая фигура, безумная грация в простых движениях. Меня потянуло к ней. Затекшие ноги слушались плохо. Руки сжали хрупкие плечи девушки, губы шепнули с надеждой:

– А может, бросишь его?

Она дернула спиной и выскользнула. Ее глаза брызнули искрами:

– Ради кого? Ради тебя? Я тебя совсем не знаю!

– Меня? Почему? Почему ради меня? Найдешь молодого парня, – от обиды я нес полную чушь, сам понимал это, но продолжал монотонно твердить: – Познакомишься, влюбишься. Ты заметная. В университете много студентов. Это так естественно, чтобы молодые любили молодых.

– Замолчи! – Женя села в кресло, перекрестила ноги. Голые коленки возвышались над журнальным столиком. – Думаешь, у меня не было молодого? Был. Самый первый...

Она повернула голову и больше не смотрела на меня. Казалось, она рассказывала одинокому цветку на подоконнике:

– Во время вступительных я жила в общежитии. Влюбилась в абитуриента, как и я. Втюрилась по уши. Его звали Вовка. Фигурой напоминал тебя. Когда он со мной переспал... Это было так противно... Запах дешевой выпивки изо рта, потные руки, пыхтение... И все молча... Да чего говорить! Но больнее всего не это... Я думала, на следующий день он обязательно меня найдет, и мы будем теперь вместе. Но он не пришел... Я сама нашла его вечером. Я летела к нему, а у него... Полное равнодушие в глазах. И разговоры все про то, как набухались вчера, как было клево, как кто-то подрался, а кто-то заблевал весь туалет. Мне показалось, что он даже забыл про меня. Но он помнил. Сказал, ты дверь не закрывай, мы сейчас с парнями выпьем, и я к тебе приду. Вот так все просто... А на лице такая ухмылка... Я проплакала всю ночь... И больше не хочу такого.

Мне показалось, что на ее глазах выступили слезы. Но она не сделала ни одного движения, чтобы их вытереть или стряхнуть. Только поджала колени, обхватила их руками и стала похожа на свернувшегося в кресле котенка. Волосы полностью скрыли ее лицо. Я стоял посередине комнаты и не смел подойти.

– А Юрий Борисович мне встретился позже, – продолжила она рассказ. – Я не прошла по конкурсу и просто не знала, что делать. Он мне очень помог. Он был, как волшебник. Он мог все! Я стала студенткой. Сначала меня приняли на вечернее отделение, а через месяц перевели на дневное. Юрий Борисович дарил мне бесконечные подарки. Такие милые... Он умел ухаживать и ждать. Я к нему привыкла, он даже мне понравился. Мне нужно было как-то его отблагодарить... С ним все было по-другому. Он был ласков и безумно нежен... Все так отличалось от того, что я испытала раньше. Мне было с ним очень хорошо... А потом он мне подарил вот эту квартиру. Я его полюбила... Сильно полюбила. Я была счастлива. Ощущала себя женой. Мы были почти как в браке. В гражданском. Он не жил со мной постоянно. Это был скорее гостевой брак. Главное, я любила... А сейчас... Сейчас не знаю. Сейчас мне с ним удобно.

Она затихла. Я с трудом осмысливал услышанное. Молчание набухало, как река в половодье, и разделяло нас. Берега раздвигались.

Я направился к двери. Женя не окликнула и не проводила. Замок захлопнулся за спиной, и я скатился по лестнице в дождливую ночь.

Дождь мешает, если от него пытаешься укрыться. Я не пытался. Дождинки скапливались в волосах, и, набрав силу, стекали по лицу и шее, мокрыми червяками заползали под воротник. Но мне было все равно. Волосы слиплись и вытянулись, напряженной лицо, словно оделось в водяную маску. Потом промокла одежда на плечах и бедрах. Потом ступни ног, хлюпающие по лужам, затем все остальное. Но меня это не касалось. Мокло только мое тело, а вся моя сущность, то, из чего состоит человек кроме плоти, в десятый раз переживала историю Женьки Русиновой.

И это было в тысячу раз хуже.

Она любила другого! Она отдавала себя другому!

Я домысливал то, о чем она умолчала, и мне было безумно больно.

Где-то внутри меня сдвинулась тектоническая плита. Кипящей струей изрыгнулся вулкан. Боль расплывалась огненной лавой, заливая внутренности. Я полыхал и, казалось, мог прикосновением воспламенить листву. Но все вокруг было мокрым. Душа моя рвалась на части и кричала: «Ну почему тогда меня не было рядом с ней? Все было бы иначе!»

Глава 10

Дверь в общежитие открыл Франц Оттович.

– Разве так можно, молодой человек? – встретил он меня изумленным возгласом. – Вы совершенно мокрый.

Я равнодушно посмотрел в небольшое зеркало на стене. Мокрые волосы прилипли ко лбу, на оттопыренных кончиках дрожали капли. Рубашка потемнела, обхватив неровными складочками грудь и плечи. Тусклый взгляд, обращенный внутрь, с трудом возвращался из глубин переживаний.

– Давайте я вас чаем напою, а лучше сразу переодеться. Ведь вам, наверное, холодно? – сутился старый вахтер, доставая вторую чашку.

Я плюхнулся на дерматиновый диванчик рядом со столиком вахтера. О чем он спрашивает? Холодно? Рука стряхнула брызги с волос. Ладонь прохладная, нос тоже, но внутри пылал обжигающий огонь ревности.

– Мне не холодно. Мне больно, – обреченно брякнул я.

– Та-ак... По-моему я понимаю. – Франц Оттович пытался что-то разглядеть на моем пустом лице. – Это из-за Женечки?

– Вы ее знаете? – удивился я.

– Я слышал только ее голос. Но этого достаточно.

– Почему девушки влюбляются в старых козлов? – вцепился я ожившим взглядом в вахтера.

– Ну, это вы, Тихон, хватили. Чай пейте. Вот и варенье. Из крыжовника. Прошлогоднее еще осталось. Скоро будем новое делать. – Франц Оттович придвинул мне чашку и блюдо с вареньем. – Так кого вы считаете старым козлом? Человека вроде меня?

– Нет, что вы, Франц Оттович, – спохватился я. – Я не про вас. Я другого имел в виду. Ему лет сорок пять – пятьдесят, наверное. Но ей то всего двадцать!

– Ну, сорок пять – это для мужчины не возраст. А что касается вашего вопроса, так девушки чаще всего ждут, чтобы их выбрали. Так природой заведено. Активность проявляют самцы. Естественный отбор по теории Дарвина. Изучали, надеюсь, такую? Пассивные самцы вымерли, не оставили потомства. А самочки должны быть красивыми, чтобы активные самцы на них обратили внимание. На первом этапе девушки обычно приглядываются и позволяют себя любить. А задача мужчины – влюбить ее в себя. Влюбленная женщина совсем не то, что просто любимая. Попомните мои слова.

– Любимая, влюбленная, – я вслушивался в новый смысл заезженных слов и, кажется, понимал старика. – А как ее в себя влюбить?

– Вот, видите, в чем недостаток молодости. Вы еще не знаете, как это делается. А опытный мужчина, если он добрый и щедрый, и по настоящему любит, добьется взаимности очень быстро.

– Ну, он же... не красивый.

– С чего вы взяли?

– Седой уже.

Ладонь вахтера прошла по белому ежику волос, губы усмехнулись.

– Это не столь важно.

– А что важно?

– Отношение к женщине.

– Отношение..., – я хлебнул чай, попробовал варенье. Кисло-сладкое, в самый раз. И тут же вырвалось: – Но я же люблю ее!

– А в чем это выражается?

– Я хочу ее, – выдохнул я и отвел глаза.
– А до встречи с ней вы никого не хотели?
– Почему? Да я... почти всегда хочу.
– Значит, вы всегда влюблены?
– Нет. Это на уровне физиологии.
– Вот именно. Гормоны, мужские гормоны играют. Так может и сейчас у вас не любовь, а так...

– Нет, сейчас совсем по другому. Я все время о ней думаю, я... я сгораю от любви.
– Или от ревности?
– От ревности тоже, – согласился я.
Вахтер усмехнулся:
– Этим молодежь и отличается от стариков. У вас – огонь, у нас – пепел. Эх, пойду-ка я за водичкой схожу. Ночь еще долгая впереди.
Он взял чайник и заковылял по коридору.
– Франц Оттович, давайте помогу? – запоздало предложил я.
– Нет, мне все одно в туалет надо. Ты за дверью пока пригляди.
– Хорошо. Не беспокойтесь.

Оставшись один, я вспомнил разговор Калинина по телефону с неким Петром Кирилловичем. Левые автомобили. Вот, оказывается, как делают деньги чиновники. Калинин угрожали, ссылаясь на Отара Тбилисского. А фамилия погибшего Андрея – Воробьев. Много нового я узнал из случайно подслушанного разговора. Надо записать, пока не забыл.

Я взял маленький листочек со стола и написал: «Отар Тбилисский. Андрей Воробьев. Петр Кириллович». Хотя фамилия Калинина и без того слишком хорошо врезалась мне в память, я приписал и ее.

Из коридора слышались шаги вахтера. Объяснять свои записи постороннему человеку не хотелось. Я торопливо согнул бумажку и сунул в кошелек под надорванный карман. Как только старик включил чайник, я поспешил расстаться.

Утром меня разбудил стук в дверь.
– Заколов, вас к телефону, – услышал я голос Франца Оттовича.
Меня как пружиной подбросило с кровати. Женья! Я натянул штаны и стремглав пронесся по коридору. За спиной затихал хриплый голос вахтера:
– Я уже собрался уходить, а тут звоночек. Вас...
Меня умиляло, что семидесятилетний человек ко всем студентам обращался на вы. Он еще что-то объяснял, но я уже схватил трубку:
– Женья! Привет!
Трубка дышала тишиной. Я различал даже звук разлепляющихся губ.
– Привет, Заколов, – раздался в телефоне неуверенный голос. – Но это не Женья. Я – Ирина. Глебова.
– Да. Ира. Здравствуй, – я в миг стух, словно из меня выпустили пар, и попытался оправдаться: – Тут мне не правильно сказали...
– Ничего я не успел сообщить, – шипел рядом недовольный вахтер. – Евгению я бы узнал.
– Быстро бежал, почти летел. Отдышался? – иронично поинтересовалась Ирина. Затем в ее голосе проявились твердые нотки преподавателя. – Я вот к тебе по какому вопросу звоню. Не мог бы сегодня подучить меня водить машину?
– Да, конечно.
– Сегодня суббота. У тебя, наверное, какие-то планы?
– Нет. Никаких планов, – промямлил я.
– Когда сможешь приехать?

- Могу сейчас.
- Приезжай. Я жду.
- Хорошо.
- Возникла пауза. Никто не клал трубку.
- Ну, до встречи! – бодро воскликнула Ирина.
- До встречи, – тусклым эхом отозвался я.

Ирина встретила меня в машине. Она посигналила, когда я попытался сунуться в подъезд.

– Теперь я буду учиться, как следует. Чтобы от тебя не зависеть, – сразу заявила она. – Ты у нас человек занятой. Нарасхват, можно сказать.

- Почему? Сегодня я совершенно свободен.
- Правда?
- Конечно.

Невнятная напряженность между нами исчезла. Ирина улыбнулась:

- Давай я сама попробую со двора выехать.
- Давай, – согласился я. – Только делай все по моей команде.

– Хорошо. – Она пристально взглянула на меня и, не отводя глаз, прошептала: – Иногда, когда мной командуют, это так приятно.

Мы колесили по тихим субботним улицам. Управление автомобилем давалось Глебовой все лучше и лучше. Я мог отвлечься от дороги. Глаза невольно косились на Ирину. На ней был летний сарафан и простенькие босоножки. Съехавший к талии подол она не поправляла. Обнаженные гладкие ноги от щиколоток до середины бедра казались просто идеальными. Их матовая белизна на фоне черных ковриков явно возбуждала меня.

Я поймал себя на мысли, что сдерживаю желание прикоснуться. Когда она переключала скорости, верхний край сарафана оттопыривался, и мои глаза нагло лезли в образовавшуюся щель. Прическа Ирины обрела непривычную пышность. Видимо, она с утра помыла волосы и уложила феном. Легкий запах духов, исходящий от нее, особенно ярко ощущался в салоне нового автомобиля. Ногти на руках и ногах были покрашены в розовый цвет, чего я раньше не замечал. А может, не обращал внимание.

Все это заставило меня сомкнуть колени и положить сверху руки. Я стеснялся неконтролируемого возбуждения.

- А теперь куда? – спросила Ирина, затормозив на светофоре.
- Что? – встрепенулся я и посмотрел на дорогу.
- Ты командовать будешь?
- У тебя уже так хорошо получается, что я могу поспать.
- Тоже мне, учитель. А если бы я на занятиях спала?
- Спала? С кем? – неожиданно вырвалось у меня.
- Ишь ты! Разговорился, наконец. – Ирина от души рассмеялась.

Светофор переключился. Я монотонно приказывал:

- Зеленый! Сцепление. На первую. Плавно отпускаем.

Ирина тронулась и озорно сообщила:

- А теперь я буду командовать. Мы едем на пляж, купаемся и загораем!

Я высунул ладонь в окно. Солнце явно припекало. От ночного дождя не осталось и следа.

- День будет жаркий, – решил я.
- Вот именно! Я взяла воду и бутерброды, – она кивнула на сумку на заднем сиденье.
- Только я плавки забыл.
- Не беда. Заедем в общежитие. Мы же на колесах!
- Вперед! – ее идея мне нравилась все больше.

В общежитии я застал Сашку Евтушенко на пороге нашей комнаты.

– Ты куда? – торопливо спросил я, ворвавшись в дверь.

– На пляж. А ты откуда такой возбужденный?

– На пляж? Здорово! Я тоже туда собираюсь.

– Так пойдем вместе. Погода отличная.

– Хорошо, только я... с Ириной.

– Какой? – не сразу понял Сашка.

– Нашим преподавателем.

– Даже так?

– А почему нет?

– Ну и я не один.

– А с кем?

На этот вопрос ответил дерзкий женский голос:

– Со мной.

В дверях появилась Ольга Карпова. В голосе и позе чувствовался вызов. Она высоко оперлась о косяк и, прищурившись, буравила меня взглядом. На руке покачивалась сумочка из мешковины с бахромой, пальцы небрежно сжимали дужку зеркальных очков. Короткое платье в крупных ярких цветах задралось наискосок, на скрещенных ногах выделялись круглые колени.

– Ты, Заколов, все время занят. Мы решили без тебя.

Сегодня я уже слышал подобные слова о своей мнимой занятости. И каждый раз их говорили с упреком, будто я от чего-то уваливаю.

– Ребята, поедemте вместе, – я попытался улыбнуться. – Какие проблемы!

– А Глебова? – многозначительно поинтересовалась Оля. – Она, думаешь, будет в восторге?

– Ну, конечно, – я, наконец, нашел свои плавки и прикидывал, куда их положить. Сашка приоткрыл пакет, который держал в руках, плавки нырнули туда. – О чем речь? Заодно наше задание по программированию обсудим.

Я дружески подтолкнул Ольгу ниже талии. Она кокетливо улыбнулась, но демонстративно отстранилась, стараясь держаться ближе к Саше.

Мы направились к машине. Мне было немного неудобно. Как нас встретит Ирина? Возможно, ей не понравится спонтанное расширение компании.

Но это опасение оказалось мелочью по сравнению с поджидавшей нас неприятностью.

Около автомобиля мы застали встревоженную Ирину. Не обращая внимания на ребят, она бросилась ко мне:

– Представляешь, я сижу в машине, никого не трогаю, вдруг, останавливается милиция и просит предъявить документы. Я так перепугалась! А что, если документы не те, и «Волгу» отберут? А я к ней уже так привыкла. Но, слава Богу, все обошлось, документы вернули. Но потом они осмотрели салон и попросили открыть багажник. А у меня рука трясется, в замок не попадаю. Кошмар! Они на меня так смотрели!словно я преступница. Вон, только отъехали.

Она показала на удаляющийся автомобиль с милицейской символикой.

– А что они искали? – стараясь сдержать тревогу, спросил я.

– Не пойму! Один другому пробурчал: глупое, мол, задание, в городе полно светлых «Волг». Да! Они нашли в салоне между сиденьями импортную заколку для галстука. Блестящую, с драконом. Спросили, чья? А я не знаю. Ты без галстука ходишь. А больше никого в машине не было. Они забрали, переписали номер машины, мои данные, и уехали.

– Не уехали, – мрачно покачал головой я и показал на дорогу.

Милицейский автомобиль остановился и задним ходом быстро возвращался к нам. Мы с Сашкой многозначительно переглянулись. На лице Евтушенко красовалась кислая мина,

словно он, не разобравшись, хватанул зубами лимон вместо яблока. Моя физиономия вряд ли выглядела лучше.

В памяти всплыла откинута фигура Андрея Воробьева в кресле, расслабленный галстук и блестящая полоска на груди. Так и есть, я вспомнил необычный зажим для галстука в форме дракона. Вот это прокол! Выгружая тело, мы не заметили, что заковка осталась в салоне. И даже утром я не догадался все проверить! Ведь стоило просто заглянуть под сиденья... Идиот!

Я бросил взгляд по сторонам. Мелькнула трусливая мысль: бежать? Бесполезно, милиция – это не таксисты. Мы засветились по полной программе.

– А, ребята..., – Ирина только сейчас заметила Сашу и Олю.

– Они тоже на пляж собрались, – вяло объяснил я. – Возьмем?

– Конечно, конечно, – Ирина торопливо кивнула.

Судя по глазам, голова ее была занята совсем другими, неприятными мыслями. Чего уж говорить обо мне?

– Если отпустят, – чуть слышно произнес Саша.

– А чего нам волноваться, – бодро заявила Ольга. – Ну, ищут каких-то бандитов. Работа у них такая. А мы то причем?

Святая простота! Я искренне позавидовал ее спокойствию.

Высокое жужжание задней передачи противной волной подкатило к нам. Белые огни в подфарниках милицейского автомобиля погасли.

Все! Как говорится, приехали!

Глава 11

Из подъехавшего автомобиля лениво вышел милиционер.

– Капитан милиции Прохоров, – устало представился он. – Разрешите ваши документы.

– С собой только студенческие билеты, – Евтушенко попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.

– Вот права, – я автоматически достал водительское удостоверение и тут же понял, что поступил опрометчиво.

Капитан с интересом ухватился за документы, в глазах появилась бодрость.

– Тихон Петрович, где вы были позапрошлой ночью?

– Как где, в общежитии. – Я старался держаться невозмутимо.

– Вот наша общага, – показал Сашка.

– Угу, – буркнул капитан, по-прежнему изучая меня. – А машину эту доводилось водить?

– Да. Помогаю хозяйке.

– Гражданка Глебова утверждает, что «Волга» всю ночь простояла у нее во дворе.

– Конечно! – Ирина стремительно вклинилась в разговор. – Заколов подтвердит. Я вышла утром, а он в ней сидит. Мы вместе и поехали.

Как женщины обожают подробности! Ну, зачем, ведь не с подружкой болтаешь?

– Как вы сказали? – уцепился милиционер. – Сидел в машине?

Капитан задумался, и все-таки пришел к неприятному для меня выводу:

– Значит у вас, Заколов, в ту ночь были ключи от автомобиля?

– Я подъехал пораньше. На автобусе. И решил дожждаться Глебову в машине.

– Так были у вас ключи или нет?

Ежу понятно, что были. Не отвертись.

– Да, – подтвердил я.

После минутного раздумья лицо капитана озарилось догадкой:

– Значит, вы могли воспользоваться автомобилем самостоятельно. Без ведома хозяйки.

Вот, черт! Ну, просто чудеса дедукции демонстрирует сотрудник милиции. Не даром носит капитанские погоны.

– Зачем мне это? – я с напускным равнодушием рассматривал ветки близстоящего тополя.

Второй милиционер, успевший выкурить сигарету, нетерпеливо толкнул капитана.

– Передадим все следователю. Зачем нам париться? – шепнул он напарнику.

– Угу, – согласился капитан и обвел всех беглым взглядом: – Возможно, вас вызовут.

Он записал наши фамилии. Милицейская машина отъехала.

– О чем это он? Куда вызовут? – не понимая таращилась Карпова.

– Сама говорила, работа у них такая, – ответил Саша.

– Так, все! Мы не меняем наших планов. На пляж, так на пляж! А то солнце скоро сядет! – бодрился я. Ирина растерянно стояла около водительской двери. Я предложил: – Давай, лучше я поведу машину.

– Лучше ты, – согласилась она, потом осторожно спросила: – А ты ездил на машине той ночью?

– Ерунда, – скривился я и тут же повысил голос: – Чего встали? Занимаем места согласно купленным билетам! Вы вдвоем назад, а товарищ преподаватель вперед. Нам нужен штурман в незнакомом городе.

Всю дорогу в машине царило молчание. Скованная Оля незаметно озиралась, старательно делая вид, что ездить в новенькой «Волге» для нее обычное дело. Несколько раз я ловил в зеркале ее насупившийся взгляд. Саша рядом с ней внимательно изучал сиденье и коврики. Я

изредка спрашивал дорогу у Ирины и невольно бросал взор в зеркало заднего вида. Отчего-то казалось, что вот-вот появится милицейская погоня. Ирина отвечала не сразу, и мы несколько раз проскочили нужный поворот.

Каждый думал о своем. И мысли у всех были не радостные.

Добравшись до пляжа, я сразу же потащил всех в реку. Нужно было взбодриться, стряхнуть тяжелые раздумья. Вода в Оке была светло-коричневой, иногда проплывали маслянистые сгустки, но народ резвился, не обращая на это внимания. Холодные брызги заставили наших девушек завизжать, лица взбудоражились, взгляды освободились от внутренней сосредоточенности.

– Надо было салон в ту ночь как следует проверить, – улучшив момент, шепнул мне Сашка.

– Что-нибудь нашел? – спросил я.

– Нет, но заколку мы проворонили. Не помнишь, была у него заколка на галстук?

Я ее уже десять раз все хорошо вспомнил.

– Была. Именно такая – с головой дракона. Наверное, отскочила, когда он свалился. Но еще надо доказать, что она его.

– С драконом – значит. Вещь редкая. И заметная. Наверное, из-за границы привезли. А еще могут найти ворсинки от костюма на сиденье.

– Ты думаешь, наши эксперты уже и до этого дошли?

– Если захотят – нароют.

– Почему же милиционеры нас сразу не забрали?

– Ничего это не значит. Возможно, они теперь следят за нами.

Я осмотрелся. Среди множества раздетых людей в темных очках мог спрятаться даже агент ЦРУ.

– Скажешь тоже, – усомнился я. – Хватит о грустном! Может, капитан присвоит заколку и никуда не будет сдавать. В любом случае, от нас уже ничего не зависит. Лучше давай еще раз определим коэффициент красоты города. Тут самое удачное место для этого.

– Думаешь?

– А ты оглянись.

Вслед за медленным поворотом головы, глаза Евтушенко загорались.

– Я только очки одену, – согласился он.

В определении Коэффициента Женской Красоты города самое увлекательное – это процесс подсчета.

Не помню, у кого из нас первого родилась эта мысль. Скорее всего, идея была моя, а Сашка придал расчету математическую строгость. Когда мы только приехали из Приозерска в Ленинск, в общегитии часто возникали споры: в каком городе девушки красивее? Почти каждый из студентов убеждал, что уж в его то городе все девушки просто конфетки, одна другой краше.

– Киноактрису Алферову знаешь? – кричал очередной спорщик. – Так вот, на нее у нас бы просто не взглянули. В толпе бы затерялась!

– Да что твоя Алферова! – запальчиво отвечал другой. – У нас в школе были такие девушки, что у-у-у...!

Протяжное «у» звучало убедительно. И местный патриотизм – похвальное чувство. Но требовался объективный критерий для решения проблемы.

– Нужен численный параметр, – предложил я. – Предлагаю его назвать: Коэффициент красоты города!

– Женской красоты, – поправил кто-то.

– Согласен. Пусть будет Коэффициент Женской Красоты города. Сокращенно – КЖК.

– А как его определить?

– Надо взять случайную выборку женщин, – вступил в разговор Евтушенко, – и подсчитать, какой процент из них – красивых.

– А как определить, кто красивая, а кто – нет?

– Да, как посчитать?

И тут у Сашки родилась гениальная мысль.

– Все очень просто, – спокойно изрек он. – Если появляется желание трахнуть – значит, красивая.

Все затихли. Каждый перебирал в памяти образы знакомых девушек и прикидывал, как работает критерий.

– А что, неплохая идея.

– Хитро.

– Это логично, – подытожил я.

Вскоре было решено, что для расчета берутся женщины от 15 до 45 лет. Объем выборки должен быть не меньше 100 персон. Для объективности лучше всего проводить исследование на типичной улице в утреннее или вечернее время, когда все спешат на учебу или работу, либо возвращаются домой. Слишком позднее время, а также улицы в непосредственной близости от учебных заведений исключаются. Там больше молодежи, что естественно приведет к завышенной оценке.

Когда критерий был сформирован, все посмотрели на часы. Наша общага располагалась на самой обычной улице, и время было подходящим.

– Приступим? – предложил я.

Несколько человек вывалили на улицу и пристроились на ступеньках. Теоретическая фаза перешла в экспериментальную. Четыре пары глаз внимательно провожали всех женщин. Один загибал пальцы, другой шевелил губами, я ломал тонкую веточку и раскладывал щепки на две кучки. Хочу – направо, не хочу – налево.

Из общежития вышла Селютина, наша сокурсница с крупной, но правильной фигурой и вечно румяными щечками. Она сбежала по ступенькам. Наши глаза суммарным усилием давили ей на выступающую часть ниже поясницы. Селютина обернулась, поежилась. Рука одернула юбку, другая ладошка отряхнула подол. Я отложил щепку в правую кучку, кто-то загнул палец.

Минут через десять Селютина вернулась с батоном хлеба.

– Чего вы тут делаете? – подозрительно оглядела она нашу молчаливую компанию.

– Проходи Селютина, проходи... Не мешай... Ты уже подсчитана, – ответили в разноречивых нескольких голосах.

– Что, что? – наступала Селютина.

В дверях показалась комендант общежития Серафима. Строгий взгляд из-под очков в золоченой оправе окинул собравшихся.

– До свидания, – процедила она.

Мы дружно издали свистящие звуки «сви-идань» и затрясли головами. Подкованные каблучки на толстых лодыжках застучали по каменным ступенькам.

– Сколько ей лет? – шепотом спросил я Селютину.

– А тебе зачем?

– Научный эксперимент, – важно заявил я.

– Сорок пять, – быстро ответила она, потом спохватилась: – Какой еще эксперимент?

– Ухудшает КЖК, – вздохнул я и положил палочку в левую кучку.

– Какой эксперимент? – не унималась Селютина.

– Не мешайте работать, барышня.

– Вы чего это тут на всех пялитесь?

– Да отстань ты!

– Что?

Селютина размахивала авоськой с батоном в непосредственной близости от горок из щепок. Данные первого эксперимента оказались под угрозой.

– Ребята, заканчиваем! Достаточно, – скомандовал я, заслоняя результаты научных исследований.

Как ни странно, итог у всех четырех человек были схожим. Это подтвердило правильность выработанного критерия. Мы быстро подсчитали средний КЖК – 36 %. Потом, когда мы провели подобные расчеты в других городах, оказалось, что это очень приличный показатель.

С тех пор, особенно после каникул, в общаге можно было услышать подобные разговоры:

– Ну, был я в Ташкенте. Экскурсовод достопримечательности показывает, а я КЖК считаю. И что! Всего 16 %! Нет, пацаны, туда ездить не стоит.

– А вот у меня в Киеве полтинник получился. 50 %!

– Это ты как считал?

– После дня рождения у приятеля на бульвар вывалили...

– Не-е, не пойдет! Данные не корректны! КЖК определяется только на трезвую голову.

В один из первых дней после приезда в Горький мы с Сашей Евтушенко уже провели подсчет местного КЖК. Тогда мы сидели по обеим сторонам лестницы, спускающейся от памятника Чкалову к берегу Волги. Праздно шатающаяся толпа дала результат 28 %. Вполне нормальный показатель, решили мы. Сейчас на пляже я предложил его перепроверить. Главной целью было, отвлечь друга от невеселых мыслей, связанных с трупом и милицией.

Для лучшей выборки, мы оставили на время наших спутниц и отправились бродить по пляжу. Со скучающим видом мы продвигались среди обнаженных тел, кося изучающие взгляды на женские прелести.

– Ну, что? – спросил я Сашку, когда мы плюхнулись на песок, обойдя почти весь пляж.

– 21 из ста, – устало ответил он.

– У меня 23. Итого, в среднем, 22 %. Меньше, чем на Чкаловской лестнице.

– И заметь, молодежи здесь значительно больше.

– А результат меньше.

– Вот, что с людьми делает одежда.

– Маскирует недостатки, преувеличивает достоинства.

– Да-а... А тут все на виду. Голое тело откровеннее.

– Карпова, что, теперь на тебя переключилась? – поинтересовался я.

– А у тебя есть возражения?

– Нет, Сашок, никаких. Я, честно говоря, устал от ее внимания.

– Я знаю, тебе больше нравятся худышки. А она... Ты, кстати, ее в какую часть включил?

– Она же приезжая.

– А я включил. В тех самых, кого хочется. Это объективно. Я же не знаю, кто остальные. Может здесь половина приезжих. – Он немного помолчал и пристально взглянул на меня: – А Ирину?

– Ирину? – Я не отводил открытый взгляд. – А ты как думаешь?

– Тебя, Тихон, не поймешь. То среди ночи мчишься к малознакомой Жене, чтобы вывозить неизвестный труп, а потом рассказываешь, какая она красивая.

– Тише ты, – я огляделся.

– То целыми днями пропадаешь с Ириной.

– Я сам себя не понимаю. – Я уткнулся лбом в колени. Ладони подхватывали песок и монотонно засыпали пальцы ног. – Женька... Это Женька. А Ирина...

– Это Ирина, – продолжил Сашка. – Гениальное объяснение.

– Да-а. – Я тяжело вздохнул. – О Жене я думаю постоянно. Она как заноза сидит во мне и напоминает хронической болью. Я не могу избавиться от мыслей о ней... Что ни делаю, обязательно она всплывает. И ты знаешь, сначала мечтать о ней приятно, а потом вдруг, как все припомню – сразу ноющая боль. А Ирина... Что Ирина? Она же преподаватель.

– Это всего лишь ее должность. Но прежде всего она женщина. И как все женщины, она хочет любить и быть любимой.

– Звучит банально.

– Это аксиома. А все аксиомы банальны.

– Я учу ее водить машину. И все!

– Ну и хорошо, – неожиданно согласился Сашка. Отряхнул от песка ладони и встал на скрещенных ногах, не опираясь руками. – Пора идти к ним. А то неудобняк получается.

– Любопытно, о чем они болтают без нас?

– Если предположить зеркальное отображение, то, о мужиках. О чем же еще! Подсчитывают коэффициент мужской красоты!

Мы дружно рассмеялись. Придумать систему измерения качества цифрами способна только прямолинейная мужская логика. Тепло – холодно, сильно – слабо, красиво – уродливо, для женщин достаточно и этих понятий. А среди мужчин рано или поздно обязательно найдется настырный, придумает единицу измерения и обязательно назовет своим именем. Вот и появляются в учебниках Цельсии, Фаренгейты, Ньютоны, Амперы, Вольты и прочие Бойли-Мариоты. Ну, хоть бы одна женская фамилия в этом ряду затесалась!

Мы с Сашкой пока скромно названием КЖК ограничились. Может, со временем потомки переименуют нашу систему измерения в коэффициент Заколова-Евтушенко?

Ирина и Ольга молча загорали животами кверху. Хоть и лежали они рядом, но по отстраненным позам казалось, что между ними пробежала черная кошка.

– Не успели соскучиться? – я как мог, старался быть веселым.

– С вами тоже, не больно весело, – открыла глаза Ольга. – Хоть анекдот рассказали бы. А то шляетесь где-то, а дамы скучают.

Ирина перевернулась на живот, накрыв голову платком.

– Исправимся! – бодро крикнул я. – Анекдот вам расскажет Александр. А я протру в машине. Мы там так натоптали. Саша, весели девушек.

Я тут же удалился, не давая возможности никому опомниться.

Мне не давала покоя мысль, что в салоне автомобиля могут найти ворсинки от костюма Воробьева. На счет зажима для галстука еще можно что-то придумать, да и изъяли его без понятий. Но если к нему добавится еще одна улика, тут уже вряд ли отвертишься.

Подходящую бутылку для воды я нашел рядом с мусорным баком. Дерматинсовая обивка автомобиля даже речной водой протиралась хорошо. Я искренне радовался, что салон не велюровый. Открыв обе задние дверцы, я дал возможность сиденью и коврикам просохнуть.

В машину засунулась любопытная морда большой собаки похожей на овчарку. Она несколько раз потянула влажным носом и хотела, было развернуться, но я ее остановил. В голову пришла неожиданная идея.

– Что, Шавка, есть, наверное, хочешь? – я посмотрел в грустные глаза давно нечесаной псины. – А у нас есть бутерброд. Подожди, сейчас принесу.

Собака послушно села, в глазах появился интерес.

– Охраняй! Никого не пускай! – приказал я и побежал к ребятам.

– У тебя бутерброд с колбасой есть, – наскочил я на Ирину, обдав ее струей песка.

– Да потише ты! – Глебова недовольно отряхивалась. – Есть. Там в пакете. Берите, а то испортятся.

Я выхватил бутерброд с вареной колбасой и вернулся к машине. Собака ответственно исполняла порученное задание.

– Это тебе, Шавка.

Дворняга согласилась с новым именем, приноравливаясь цапнуть колбасу.

– Заползай сюда, – я положил бутерброд на середину заднего сиденья автомобиля. – Да, да, можно. Я разрешаю.

Шавка осторожно ступила в салон, одним глазом кося на колбасу, другим – следя за мной. Уяснив, что подвоха нет, она быстро проглотила бутерброд.

– А теперь можешь, лежать. Я серьезно. Давай, давай, – Я мягко свалил Шавку на диван. – Почешись, повертись.

Она поняла меня и заелозила спиной.

– Вот так, не стесняйся. Прелестная собачка.

Когда мы расстались с Шавкой, все сиденье в машине было усыпано собачьей шерстью. Вот теперь пусть эксперты поработают, если захотят.

Я вернулся, весьма довольный собой.

Ирина приподнялась на локтях, сдвинула очки на лоб.

– Ребята, я вспомнила, у меня еще куча дел, мне пора. – В ее глазах читалась нешуточная озабоченность. Когда-то я уже видел такой взгляд – решительный, со скрытой злостью. Ирина кивнула мне: – Ты оставайся. Я попробую сама доехать.

– Отсюда далеко. Ты не сможешь, – попытался возразить я. – Хочешь, помогу.

– Я потихоньку. Не волнуйся, – она выдернула из моих рук ключи.

– Но... Может, еще искупаемся?

Глебова быстро подхватила в охапку вещи и ушла не оглядываясь. Босые пятки оставляли в сухом песке зыбкие ямки. Сзади в однотонном синем купальнике Ирина выглядела интереснее, чем спереди. Я провожал глазами ее хрупкую фигуру, пока она не скрылась в будочке раздевалки. Теперь мне были видны лишь ее ноги. По их движениям я легко угадывал все этапы переодевания. Поднялась одна ступня, затем другая – сейчас она совершенно голая. Потом внизу мелькнуло что-то белое, и движения повторились – теперь она в трусиках.

Сбоку что-то назойливо щекотало висок. Я повернул голову и натолкнулся на ехидный взгляд Карповой. Щеки мгновенно потеплели. Ольга глаз не отводила, сквозь ее улыбку проступали нотки тщеславной радости.

– Один, совсем один, – качая головой, картинно посочувствовала она, и тут же отвернулась к Евтушенко: – Саша, намажь спину кремом. У меня в сумке тюбик.

Я хотел ответить чем-то дерзким, но неожиданно вспомнил, где видел тот самый огонь отчаянной решимости в глазах Ирины, что и несколько минут назад. Это было в тот день, когда Калинин ласково чмокнул в коридоре университета Евгению Русинову. Ирина плакала в кабинете и ожесточенно твердила: «Я его убью, убью!»

Я тут же забыл про Карпову и обернулся к кабинке раздевалки. Щель внизу сквозила пустотой. Распахнутая дверца приглашала следующего. Сквозь разномастную какофонию звуков, дрожащих над пляжем, я услышал шум двигателя отъезжающей «Волги».

Глава 12

В общежитие я вернулся один. Евтушенко и Карпова остались на пляже. Я упал на кровать и закрыл глаза. И сразу же появилась Женя. Ее неясный образ осязаемо витал передо мной.

Нельзя сказать, что в этом ощущении было что-то необычное. В последние два дня жгучая заноза любви сидела во мне и постоянно напоминала о желанной девушке. В любой момент я мог вспомнить ее и начать мысленно с ней разговаривать. Во мне бродили и требовали выхода сотни слов, ласковых и простых, смешных и грустных, которыми я хотел поделиться с ней. Я просыпался и, даже не открыв глаза, думал о ней. А может, она была со мной еще во сне? И где кончался сон, и начинались мечты, я не знал. Она была со мной всегда. И не было никаких сил и возможности выковырнуть эту острую, но сладкую занозу.

В мечтах я видел ее глаза, улыбку, волосы, тело, я даже ощущал ее прикосновения, но не слышал ее слов. Почему-то она всегда молчала.

И сейчас, лежа с закрытыми глазами, говорил только я. Я подыскивал слова, чтобы извиниться за вчерашний дурацкий уход. Подумать только, я обиделся на нее за то, что она любила другого! Я, появившийся в ее жизни только два дня назад, требовал, чтобы она зачеркнула три предыдущих года. Я запрещал ей любить в прошлом!

Как это глупо.

А она даже не спросила меня о подобном чувстве в моей жизни.

Она святая!

Или она равнодушна ко мне?

Я терзал себя мучительными вопросами. Сознание металось между возможными ответами как ястреб: то поднимаясь в солнечную высь, то бросаясь в холодное ущелье. Я объяснял ей, оправдывался, спрашивал. А она всегда была разной. Могла снисходительно улыбнуться, а потом нахмуриться. Или ее образ покрывался вязким туманом, и я говорил сам с собой, с каждым словом увязая в болоте.

Без стука распахнулась дверь. Люминесцентный коридорный свет втиснулся в серую комнату. Наверное, Сашка пришел, очнулся я от бесконечных раздумий.

– Есть кто-нибудь? Почему темно? – резкий женский голос вспорол тишину с наглостью консервного ножа, вскрывающего банку.

Кого нелегкая принесла? Мне свет ни к чему, я и так видел ту, о ком думал.

Два уверенных шага, щелчок выключателя.

Я оторвал взгляд от блеклого потолка. Голова повернулась влево, глаза сморщились от яркого света. Но только на три секунды. Вообще-то, лампочки в общежитиях маломощные. Я сел, панцирная кровать отозвалась узловатым звоном.

Передо мной стояла женщина лет тридцати. Серая юбка до колен, такой же жакет и белая блузка с замысловатым воротником. Туфли черные, тяжеловесные. Она сделала еще два шага и встала напротив меня. Теперь я мог лучше разглядеть ее лицо. Первое, что бросилось в глаза – колючий взгляд серых глаз и черные короткие прямые волосы, зачесанные за уши. Волосы отливали блеском словно мокрые.

– Заколов? Тихон Петрович? – тонкие выщипанные брови вопросительно изогнулись.

– Да, – ответил я, слегка удивленный столь официальным обращением.

Ноги нащупали шлепанцы, я попытался встать.

– Сидите, сидите! – остановила женщина. В кратком жесте рукой чувствовалась привычка отдавать команды.

Она бегло осмотрела комнату. А я тем временем отчетливо разглядел носик с горбинкой, овальные ноздри, хищно открытые по бокам, и маленькие жемчужины в мочках ушей. Серые глаза вновь холодно уперлись в меня, в вытянутой руке раскрылось и тут же захлопнулось удостоверение.

– Следователь районной прокуратуры, Татьяна Витальевна Воронина, – представилась гостя. – Веду дело Воробьева.

Такого начала я не ожидал. Сцепил руки, чтобы унять волнение. В груди неприятно засосало.

– Сидите! Вставать не нужно! – вновь оборвала мой порыв Воронина.

Я невольно подчинился. Она шагнула в одну сторону, затем в другую. Так и делала по три шага, то влево, то вправо, как заведенная. Механический маятник какой-то, а не женщина!

– Я к вам приехала, чтобы задать несколько вопросов, по интересующему меня делу. Вы догадываетесь, о каком?

Она на мгновение застыла и тут же продолжила движение. Мне оставалось только крутить головой, следя за ее перемещениями.

– Так вот, меня интересует, следующее. Где вы находились позавчера ночью?

Я, наконец, пришел в себя и понял, что история с вывезенным трупом Андрея Воробьева серьезно осложнилась. Утром в автомобиле покопались милиционеры, а сейчас передо мной следователь прокуратуры. Что ей известно? Как себя вести? Я сижу, а следователь стоит. Она выше меня и тем самым стремится подавить. Да еще постоянно маячит перед глазами, создавая ощущение монотонности и смирения. Может, их так учат? Нет, мне это не нравится! Надо сломать навязанный ритм, изменить ситуацию.

– Простите, вы следователь Воробьева? – я намерено ошибся.

– Я Воронина Татьяна...

– Ах, да! – перебил я, – Воронина, которая ведет дело некоего Воробьева! Меня всегда удивляло, почему так много птичьих фамилий.

– Что?

– Я говорю, что на каждую птицу есть своя фамилия. – Я резко встал, и зашагал, как и она по два-три шага влево и вправо. Левая рука, согнутая в локте, легла на поясницу, а правая назидательно покачивала пальцем. – Вот смотрите. Скворцовы, Орловы, Воробьевы, Снегиревы, Воронины, наконец. Ну, кто там еще? Куликовы, Чайкины, Филины, Журавлевы. Да взять хотя бы домашних птиц, Гусевы, Уткины, Курочкины. А если принято разделять по полу, то, пожалуйста, Петуховы, Селезневые. Ну, вот припомните любую птицу – обязательно есть соответствующая фамилия. Причем распространенная. А некоторые даже и не переименовывают – Лебедь, Кулик, Орел, Беркут. Как говорится, что слышится, то и пишется. Ну почему так? Люди мечтают летать?

Результата я добился. Ошарашенная следователь застыла на месте и вдумчиво смотрела на меня. Она сосредоточенно переваривала информацию и как школьница искала ответ на поставленный вопрос.

Девчонки они все такие. Задаст им учитель вопрос, они думают над ответом. Волнуются, ищут истину, надеются получить знания и стать умнее. А нет, чтобы задуматься над самим вопросом. Почему он такой, а не другой? А может, я бред несу? Ведь я с таким же успехом мог спросить про Зайцевых, Медведевых, Волковых или про Карповых, Ершовых, Щукиных.

Короче, можете сами проверить. Спросите с умным видом любую девушку, почему в солнечной системе девять планет, а не десять или восемь. Она наверняка задумается. Ответ, конечно, не найдет, но будет настойчиво дергать за рукав и спрашивать: объясни, объясни. А планет этих может быть и восемь. Я, честно говоря, не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.